

«Просвещение» — учителю

М. М. Горинов М. Ю. Моруков

**Великая
Отечественная война
1941—1945 годов**

*Дискуссионные
вопросы*

**Пособие для учителей
общеобразовательных
организаций**

Москва
«Просвещение»
2016

УЧИМСЯ С «ПРОСВЕЩЕНИЕМ»

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31
Г69

16 +

Серия «Учимся с «Просвещением».
«Просвещение» — учителю» основана в 2014 году

Горинов М. М.

Г69 Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Дискуссионные вопросы : пособие для учителей общеобразоват. организаций / М. М. Горинов, М. Ю. Моруков. — М. : Просвещение, 2016. — 64 с. — (Учимся с «Просвещением». «Просвещение» — учителю). — ISBN 978-5-09-038552-7.

Пособие призвано оказать практическую научно-методическую помощь учителям истории в переходе к изучению курса в свете положений Историко-культурного стандарта. Авторы обращаются к одной из самых значимых тем российской истории, связанной с Великой Отечественной войной 1941—1945 гг. В брошюре представлено современное научное видение ряда ключевых проблем истории войны, освещены аргументы сторон в научных дискуссиях, представлен материал, который можно использовать для противодействия попыткам фальсификации истории.

УДК 372.8:94(470)
ББК 74.266.31

ISBN 978-5-09-038552-7

© Издательство «Просвещение», 2016
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2016
Все права защищены

Оглавление

Предисловие	4
Виновен ли СССР в развязывании Второй мировой войны	6
В чём причины неудач Красной Армии в начальный период войны	17
Кто и как ковал Победу	32
Цена Победы, или Ещё раз о потерях	54

Великая Отечественная война 1941—1945 гг. остаётся в историческом сознании всех народов России важнейшим историческим событием XX столетия, определившим судьбы нашей страны. И любые попытки явного либо скрытого пересмотра итогов этой войны и её исторического образа несут в себе опасность для настоящего и будущего нашей страны и её граждан. Ревизия исторической памяти неминуемо порождает глубокий мировоззренческий конфликт поколений, кризис исторического сознания и комплекс неполноценности у целых наций. Как говорится, «идея, овладевшая умами масс, становится материальной силой». Это в полной мере относится и к негативным идеям, способным вызвать гражданские конфликты и даже разрушить государство. К сожалению, после распада СССР в 1991 г. в процессе переоценки ценностей и смены парадигм исторической науки в России, а ещё в большей степени в новых независимых государствах произошло в какой-то мере и торпедирование сложившейся ранее историографической картины Великой Отечественной войны. В ходе «разоблачений» прошлого в информационный оборот вошли концепции, ставящие под сомнение всенародный и отечественный характер войны 1941—1945 гг., а нередко и называвшие народы бывшего Советского Союза соучастниками разжигания той мировой бойни. В российском информационном пространстве вброс этой «бомбы» принято связывать с изданием серии книг, автором которых значился Виктор Суворов — бывший офицер советской разведки, перебежчик В. Б. Резун. На страницах своих «исследований» он выдвинул в какой-то мере стройную концепцию, сводимую к четырём основным положениям:

1. Обвинение Советского Союза в развязывании Второй мировой войны, война стала закономерным результатом провокационной внешней политики СССР 1930-х гг.

2. Определение Рабоче-крестьянской Красной Армии как инструмента агрессии.

3. Утверждение о намерении СССР летом 1941 г. начать неспровоцированную агрессию против Германии и проведении соответствующих военных приготовлений.

4. Как неоспоримое следствие положений, изложенных в пунктах 1—3, — признание превентивного характера войны гитлеровской Германии против Советского Союза и возложение вины за все последовавшие в ходе войны жертвы, преступления и беды на политическое руководство СССР и в целом на советский народ.

Фактически развитием данных положений активно занимаются вплоть до настоящего времени многие историки и ряд представителей политического истеблишмента ряда государств ближнего и дальнего зарубежья: Польши, Венгрии, Финляндии, Украины, прибалтийских государств и пр. В формируемой ими модели Великая Отечественная война называется схваткой двух тоталитарных режимов, каждый из которых нёс иго оккупации

и угнетения народам Центральной и Восточной Европы. В такой войне, естественно, уже нет места героизму, подвигам и освободительным миссиям.

Таким образом, при освещении истории Великой Отечественной войны образовался обширный комплекс дискуссионных вопросов, вызывающих живейшие споры не только на уровне исторической науки, но и в общественном сознании и политической практике. Рассмотрение всего перечня подобных вопросов не входило в задачу авторов данной брошюры, тем более что каждое поколение исследователей создаёт новые, основанные исключительно на собственных доводах поводы для жарких дискуссий. Вероятно, такова реальность процесса исторического познания в современных условиях. Но мы всё же рискнём предложить читателям свой взгляд на некоторые наиболее характерные проблемы, сохраняющие остроту на протяжении последней четверти века — в процессе развития «дискуссионности» истории Великой Отечественной войны. Авторы не хотят навязывать своё видение тех или иных сюжетов. Они постараются изложить аргументы спора, а выводы предоставляют делать читателям. Впрочем, этот подход вовсе не означает, что авторы полностью свободны от собственного мнения по излагаемым проблемам. И если кого-либо из читателей не устраивает взгляд на тот или иной вопрос, авторы приносят им свои извинения и призывают к самостоятельному глубокому изучению самого трагического и героического периода истории родной страны, чтобы иметь возможность защищать свою гражданскую и преподавательскую позицию во всеоружии подлинно научного знания.

Виновен ли СССР в развязывании Второй мировой войны

Со времён первых публикаций В. Суворова (В. Б. Резуна), а также подхвативших его идеи российских исследователей (Б. В. Соколова и др.) одним из ключевых тезисов стало стремление представить Советский Союз главным зачинщиком Второй мировой войны или в крайнем случае возложить равную ответственность за развязывание этой войны на «двух кровавых диктаторов» — И. В. Сталина и А. Гитлера. Одним из ключевых аргументов, используемых для этого, является факт заключения в Москве 23 августа 1939 г. пакта о ненападении между Германией и СССР, более известного как пакт Молотова — Риббентропа, а также секретного дополнительного протокола к этому пакту.

Для того чтобы реально оценить значение данного документа и правомерность тезиса о виновности СССР в развязывании Второй мировой войны, нам придётся вновь проанализировать политическую ситуацию в мире, развитие которой привело к роковым дням сентября 1939 г. Опустим рассуждения о том, что «фашистский меч ковался в СССР», с которых обычно начинают свою аргументацию сторонники «равной вины диктаторов»: эта тема хронологически относится к более раннему периоду отечественной и всеобщей истории и требует для своего корректного рассмотрения отдельного исследования. Опустим также мнения историков Китая и других стран Юго-Восточной Азии (а также ряда историков других стран), что Вторая мировая война началась ещё в 1937 г. (или даже в 1931 г.) с вторжения японских войск в Китайскую Республику.

Однако, если оставаться на привычных позициях «евроцентризма», нам придётся обратиться к знаменитому Мюнхенскому сговору. Именно случившееся тогда в столице немецкой земли Бавария во многом определило дальнейшие действия сталинского руководства.

Как известно, А. Гитлер 13 марта 1938 г. учинил аншлюс, т. е. воссоединение Австрии с Германией, причём при полном попустительстве тогдашнего «мирового сообщества» (не считая протестов СССР). Воодушевлённый фюрер сразу же озаботился проблемами немецкого этнического меньшинства в Чехословакии, так называемых судетских немцев.

По данным переписи 1921 г., их было около 3,1 млн из 13,4 млн жителей Чехословацкой Республики (23,4 % населения). Во взаимоотношениях чехов и словаков с немцами в межвоенный период было немало проблем. Власти возникшего в 1918 г. нового европейского государства не всегда проявляли благожелательность по отношению к представителям нации, господствовавшей над чехами и словаками на протяжении многих предыдущих столетий. Обострение отношений с немецкими меньшинствами во всех странах Европы во второй половине 1930-х гг. было связано с приходом к власти в Германии нацистов, с их идеологией и политикой, с их действиями, в част-

ности, в ходе Гражданской войны в Испании. Но говорить о том, что судетские немцы подвергались каким-то особым притеснениям в Чехословакии, конечно, нельзя. Однако именно на притеснение немецкого меньшинства и ссылался Гитлер, потребовав передать Германии Судетскую область и другие районы с преимущественно немецким населением, в которых, по странному стечению обстоятельств, было сосредоточено также свыше половины тяжёлой и соответственно военной промышленности, а также находились все пограничные укрепления Чехословакии.

Перед чехословацким правительством встала острая проблема. В принципе, помимо прекрасно оснащённой и неплохо обученной чехословацкой армии и первоклассных пограничных укреплений, страна располагала и солидной защитой в виде системы международных соглашений. Ещё в 1924 г. был заключён бессрочный франко-чехословацкий договор о союзе и дружбе. 16 мая 1935 г. был подписан советско-чехословацкий договор о взаимной помощи (тогда же подписали аналогичный советско-французский договор). Но по предложению Чехословакии в нём была сделана оговорка, что обязательства о взаимной помощи вступают в силу лишь в том случае, если помощь стороне — жертве агрессии будет оказана и Францией. Однако осенью 1938 г., когда судетские немцы, опираясь на открытую поддержку Берлина, подняли восстание, а Германия стала угрожать вторжением, выяснилось, что западные страны вовсе не горят желанием защищать Чехословакию. 19 сентября 1938 г. послы Англии и Франции передали правительству Чехословакии совместное заявление своих правительств о том, что необходимо уступить Германии районы, населённые преимущественно судетскими немцами, чтобы избежать общеевропейской войны. Когда же Прага напомнила Парижу о его обязательствах по договору о взаимопомощи, то французы просто отказались их выполнять.

***Из сообщения министра иностранных дел Чехословакии
К. Крофты всем чехословацким миссиям за границей***

Английский и французский посланники 21 сентября в два часа ночи снова посетили президента и заявили, что в случае, если мы отклоним предложения их правительств, мы возьмём на себя риск вызвать войну. Французское правительство при таких обстоятельствах не могло бы вступить в войну, его помощь была бы недейственной. Принятие англо-французских предложений является единственным средством воспрепятствовать непосредственному нападению Германии. Если мы будем настаивать на своём первоначальном ответе, Чемберлен не сможет поехать к Гитлеру, и Англия не сможет взять на себя ответственность. Ввиду этого ультимативного вмешательства, оказавшись в полном одиночестве, чехословацкое правительство, очевидно, будет вынуждено подчиниться непреодолимому давлению.

Правда, СССР был готов прийти на помощь Чехословакии и без участия Франции и даже начал соответствующую переписку

локацию сил Красной Армии. Однако в Праге предпочли капитулировать.

29—30 сентября 1938 г. в Мюнхене руководители Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладьё), Германии (А. Гитлер) и Италии (Б. Муссолини) подписали соглашение, целью которого было урегулирование судетского кризиса. Соглашение предусматривало передачу Германии в срок с 1 по 10 октября 1938 г. Судетской области со всеми сооружениями и укреплениями, фабриками, заводами, запасами сырья, путями сообщения и т. п. Взамен четыре державы давали гарантии новым границ Чехословакии. Советский Союз на эту встречу демонстративно не был приглашён, так же как и представители Чехословакии, которые были поставлены перед свершившимся фактом. Помимо Германии, участие в разделе Чехословакии приняли Польша и Венгрия.

13 марта 1939 г. лидеры словацких националистов объявили о «независимости» Словакии и обратились к Германии с просьбой о защите. 15 марта немецкие войска вошли в Прагу. Великобритания и Франция ограничились вялыми протестами. Выступая в палате общин, Чемберлен заявил, что после Мюнхена британское правительство «считало себя морально обязанным» защищать территориальную целостность Чехословакии в случае неспровоцированной агрессии. Но, «поскольку словацкий парламент объявил Словакию самостоятельной» и Чехословакия распалась как бы сама по себе, «правительство Его Величества не может поэтому считать себя связанным этим обязательством». Как говорится, комментарии излишни.

Но это ещё не всё. Окончательно оккупировав Чехословакию, Германия 19 марта 1939 г. потребовала себе 6 млн фунтов стерлингов золотом, в ноябре 1938 г. переданных правительством Чехословакии на сохранение Английскому банку. И Великобритания передала чехословацкое золото немцам, фактически щедро профинансировав тем самым войну против себя самой.

Для СССР же Мюнхенский сговор стал сигналом о его международной изоляции, нежелании Англии и Франции считаться с советской позицией и их стремлении договориться с агрессором. В Москве были осведомлены о заявлении британского премьер-министра Н. Чемберлена, сделанном накануне поездки в Мюнхен «ради спасения мира»: «Германия и Англия являются двумя столпами европейского мира и главными опорами против коммунизма, и поэтому необходимо мирным путём преодолеть наши нынешние трудности... Наверное, можно будет найти решение, приемлемое для всех, кроме России».

В тех условиях, когда только что отгремели бои между советскими войсками и войсками союзника Германии Японии (конфликт на озере Хасан имел место 29 июля — 11 августа 1938 г.), а советские люди встречались с подданными Третьего рейха на полях сражений Гражданской войны в Испании, это было чревато германско-советским вооружённым конфликтом. Эта угроза стала прямо-таки осязаемой в начале 1939 г., после того как 26 марта Польша окончательно отказалась удовлетворить германские претензии: включить Вольный город Данциг в состав

Третьего рейха, разрешить постройку экстерриториальных шоссейной и железной дорог, связывающих Восточную Пруссию с основной частью Германии, и вступить в Антикоминтерновский пакт.

3 апреля 1939 г. начальник штаба главнокомандования вермахта генерал В. Кейтель представил проект «Директивы о единой подготовке вооружённых сил к войне на 1939—1940 гг.». Одновременно главнокомандующие видами вооружённых сил получили предварительный вариант плана войны с Польшей, которому было присвоено название «Вайс». 11 апреля «Директива...», составной частью которой являлся план «Вайс», была утверждена Гитлером. Все военные приготовления проводились втайне, но от внимания дипломатов не ускользнуло, что 28 апреля, выступая в рейхстаге, Гитлер объявил об аннулировании германо-польской декларации 1934 г. о дружбе и ненападении. Было понятно, что в Берлине начали подготовку к новому конфликту.

В случае возможного разгрома Польского государства немцы выходили на направления для удара на Минск, Киев и Москву. Сталин прекрасно помнил содержание программной книги вождя Третьего рейха «Майн кампф». Гитлер никогда не отказывался от главного пункта своей внешнеполитической программы, сформулированного в этой «библии национал-социализма», о приобретении за счёт Советской России «нового жизненного пространства» для немецкой нации. Даже весной 1939 г., принимая решение «инсценировать в германо-русских отношениях новый рапалльский этап» и проводить в отношении СССР «определённое время политику равновесия и экономического сотрудничества», фюрер говорил министру иностранных дел Германии Й. фон Риббентропу, что по завершении войны на западе он «намерен пойти на великое и решающее столкновение с Советским Союзом» и добиться «разгрома Советов».

Таким образом, соглашения с СССР А. Гитлер и всё его окружение рассматривали как тактический манёвр, как вынужденное временное отступление от принципов национал-социализма. Для них и в самый период «расцвета» германо-советской «дружбы» СССР оставался «всемирным врагом номер один», врагом, которого при первой же возможности следовало уничтожить.

Таким образом, нарастающая угроза со стороны Германии не могла оставить равнодушным советское руководство. Мюнхен, где западные демократии «сдали» Гитлеру своего самого верного союзника в Восточной Европе, показал, что в определённых условиях договоры, заключённые с Англией и Францией, стоят меньше, чем бумага, на которой они изложены. Как справедливо писал позже У. Черчилль, «Мюнхен и многое другое убедили Советское правительство, что ни Англия, ни Франция не станут сражаться, пока на них не нападут, и что даже в этом случае от них будет мало проку».

Стоит ли удивляться, что в этой ситуации советское руководство сделало вывод, что сотрудничать с Англией и Францией можно, лишь заручившись военным договором, в котором будут

чётко и недвусмысленно прописаны обязательства сторон, чтобы новоиспечённые союзники не смогли уклониться от их выполнения.

17 апреля 1939 г. Москва предложила Лондону и Парижу заключить трёхсторонний договор следующего содержания:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собой соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Чёрным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждому из этих государств во исполнение § 1 и 2.

4. Английское правительство разъясняет, что обещанная им Польше помощь имеет в виду агрессию исключительно со стороны Германии.

5. Существующий между Польшей и Румынией договор объявляется действующим при всякой агрессии против Польши и Румынии либо же вовсе отменяется как направленный против СССР.

6. Англия, Франция и СССР обязуются после открытия военных действий не вступать в какие бы то ни было переговоры и не заключать мира с агрессорами отдельно друг от друга и без общего всех трёх держав согласия.

7. Соответственное соглашение подписывается одновременно с конвенцией, имеющей быть выработанной в силу § 3.

8. Признать необходимым для Англии, Франции и СССР вступить совместно в переговоры с Турцией об особом соглашении о взаимной помощи».

Однако, как оказалось, западные державы явно не были настроены на что-либо, кроме затягивания времени. Министр иностранных дел Э. Галифакс на заседании английского правительства 26 апреля 1939 г. (за два дня до денонсации Германией пакта с Польшей) заявил, что «время ещё не созрело для столь всеобъемлющего предложения», а 3 марта сообщил, что он просит Россию, «не будет ли она готова сделать одностороннюю декларацию о том, что она окажет помощь в такое время и в такой форме, которая могла бы оказаться приемлемой для Польши и Румынии». Для любого непредвзятого наблюдателя такое заявление может означать лишь одно: неумное желание столкнуть СССР с Германией.

Заметим, что в то же время английские и французские государственные деятели спешили выдать как можно больше авансов Польше, побуждая её к жёсткой, исключаящей уступки позиции по отношению к Германии. 14—19 мая 1939 г. в ходе переговоров Франция пообещала Польше в случае нападения Гитлера «начать наступление против Германии главными силами своей армии на 15-й день мобилизации». Англо-польские переговоры 23—30 мая 1939 г. привели к тому, что Лондон заявил о своей готовности предоставить Варшаве 1300 боевых самолётов для

польских ВВС и предпринять воздушные бомбардировки Германии в случае войны.

Как можно расценивать подобные заявления? Зная последующие события — исключительно как провоцирование и углубление конфликта между Польшей и Германией, ибо поляки, поверив в столь мощную поддержку, несколько утратили чувство меры. Так, уже 18 августа 1939 г. польский посол в Париже Ю. Лукаевич в беседе с министром иностранных дел Франции Ж. Бонне заявил, что «не немцы, а поляки ворвутся вглубь Германии в первые же дни войны!».

Как бы там ни было, но для СССР было очевидно, что «демократии» делают всё для направления гитлеровской агрессии на восток, в сторону советских границ.

Только 25 июля 1939 г. английское, а 26 июля и французское правительство приняли предложение СССР приступить к переговорам о заключении военной конвенции и выразили готовность послать своих представителей в Москву. После неспешных сборов (британская делегация отправилась в СССР рейсовым пароходом!) переговоры начались 12 августа. Сразу же выяснилось, что французская делегация во главе с генералом Ж. Думенком имеет полномочия только на ведение переговоров, но не на подписание соглашения, а английская делегация во главе с адмиралом Р. Драксом вообще не имеет письменных полномочий.

Инструкция для бравого, но отставного адмирала, едущего на переговоры с «большевиками», прямо гласила: «Британское правительство не желает быть втянутым в какое бы то ни было определённое обязательство, которое могло бы связать нам руки при любых обстоятельствах. Поэтому в отношении военного соглашения следует стремиться к тому, чтобы ограничиваться сколь возможно более общими формулировками». И это не удивительно, если учесть, что правительство Н. Чемберлена пошло на переговоры лишь с целью сделать Германию более открытой к британским проектам новых «миротворческих» соглашений. О мотивах лондонского кабинета прямо докладывал посол Рейха в Великобритании Г. Дирксен уже 3 августа 1939 г.: «Здесь преобладало впечатление, что возникшие за последние месяцы связи с другими государствами являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет действительно достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией».

Совершенно другой была позиция советского руководства. Так, генерал Думенк, докладывая о ходе московских переговоров в военное министерство Франции, в телеграмме от 17 августа 1939 г. констатировал: «Нет сомнения в том, что СССР желает заключить военный пакт и что он не хочет, чтобы мы представили ему какой-либо документ, не имеющий конкретного значения».

Главным вопросом, без которого все военные договорённости о совместной борьбе с Германией теряли смысл, стал вопрос о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии. На заседании военных делегаций 14 августа 1939 г. нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов задал по этому поводу конкретный

вопрос: «В общем абрис весь понятен, но положение вооружённых сил Советского Союза не совсем ясно. Непонятно, где они территориально пребывают и как они физически принимают участие в общей борьбе».

Для того чтобы Красная Армия могла с начала войны принять участие в боевых действиях, её части должны были пройти через территорию западных соседей СССР. При этом советская сторона предлагала строго ограничить в договоре зоны этого прохода: район Вильно (так называемый Виленский коридор) и Галиция. Думенк подчёркивал в телеграмме военному министерству Франции от 15 августа 1939 г.: «Отмечаю большое значение, которое с точки зрения устранения опасения поляков имеет тот факт, что русские очень строго ограничивают зоны вступления [советских войск], становясь исключительно на стратегическую точку зрения».

И вот тут-то Польша сделала всё, чтобы исключить для себя малейшую помощь со стороны ненавистных «большевиков». Ещё 18 апреля 1939 г. польские официальные лица заявили гитлеровским(!) дипломатам: «Германия может быть уверена в том, что Польша никогда не позволит вступить на свою территорию ни одному солдату Советской России, будь то военнослужащие сухопутных войск или военно-воздушных сил. Тем самым положен конец всем домыслам, в которых утверждалось о предоставлении аэродромов в качестве базы для военно-воздушных операций Советской России против Германии. То же самое относится и к Румынии. По словам г. Яжджевского, хорошо известно, что авиация Советской России не обладает достаточным радиусом действия, чтобы с баз, расположенных на территории Советской России, атаковать Германию. Польша тем самым вновь доказывает, что она является европейским барьером против большевизма». После такого заявления Гитлер мог спокойно денонсировать любой договор и приступить к приготовлениям к войне.

Не слишком решительные попытки Англии и Франции добиться изменения позиции Польши ни к чему не привели. 19 августа 1939 г. маршал Э. Рыдз-Смиглы (фактически первое лицо тогдашнего Польского государства) заявлял: «Независимо от последствий, ни одного дюйма польской территории никогда не будет разрешено занять русским войскам». Более того, тогдашнее польское руководство было совсем не против сходить походом в другую сторону. Так, в докладе Второго (разведывательного) отдела Главного штаба Войска польского в декабре 1938 г. подчёркивалось: «Расчленение России лежит в основе польской политики на Востоке... Поэтому наша возможная позиция будет сводиться к следующей формуле: кто будет принимать участие в разделе. Польша не должна остаться пассивной в этот замечательный исторический момент. Задача состоит в том, чтобы заблаговременно хорошо подготовиться физически и духовно... Главная цель — ослабление и разгром России».

Дальше — больше. В беседе с министром иностранных дел Германии Й. фон Риббентропом его польский коллега полковник Ю. Бек 25 января 1939 г. скромно уведомил, что «Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Чёрному морю».

В подобных условиях, не добившись ничего реального от Англии и Франции, СССР заключил договор о ненападении с Германией. Начиная с апреля 1939 г. нацистские дипломаты наперебой уверяли своих советских коллег в дружеских чувствах и намерении немедленно разрешить миром все возможные разногласия. Обстоятельный и даже утомительный в своём многообразии материал о германских домогательствах мира и союза можно найти в многотомном издании «Документы внешней политики СССР», к которому и отсылаем. Здесь же отметим лишь, что все возникшие возражения против пакта о ненападении с Германией сводятся к двум пунктам: моральному и практическому. Что касается первого, тут всё очевидно. Мало того, что требования морали в международной политике неуместны, но раз уж речь зашла об этом, стоит спросить: а судьи кто? Как заметил американский журналист У. Ширер, «если Чемберлен поступил честно и благородно, умиротворив Гитлера и отдав ему в 1938 году Чехословакию, то почему же Сталин повёл себя нечестно и неблагородно, умиротворяя через год Гитлера Польшей, которая всё равно отказалась от советской помощи?» Не стоит также забывать, что вся история советской дипломатии, начиная с Брестского мира с Центральными державами в 1918 г., — это история заключения договоров и ведения дел со своими злейшими врагами, которые не раз поднимали оружие против страны Советов. (Позволим себе напомнить читателям об интервенции в Россию Англии, Франции, США, Японии и др. в годы Гражданской войны: ведь Советская Россия никому из них войны не объявляла.) Так что никаких моральных терзаний советское руководство по определению испытывать не могло: ну, ещё один договор с «империалистическим хищником». Пактом больше, пактом меньше.

Теперь рассмотрим вопрос о практической целесообразности действий Сталина.

К концу 1930-х гг. стало очевидно, что новая мировая война в любом случае неизбежна. Её потенциальные участники делились на три группы: во-первых, «авторы» Версальского договора, т. е. Англия, Франция и в перспективе США; во-вторых, Германия с союзниками; наконец, СССР. Возникла реальная угроза, что в грядущей схватке двое будут бить кого-то одного. Учитывая, что все члены двух группировок представляли собой империалистические державы, в той или иной степени активно антисоветски настроенные, в Москве имели основания для нешуточного беспокойства. И Гитлер, и большинство лидеров западных демократий тоже надеялись, что они будут совместно воевать против СССР. Когда 30 сентября 1938 г. на заседании чехословацкого правительства обсуждался вопрос, подчиниться ли принятым в Мюнхене решениям, главный аргумент в пользу капитуляции выглядел так: «Если Чехословакия сегодня будет сопротивляться и из-за этого произойдёт война, то она сразу превратится в войну СССР со всей Европой».

Понятно, что в этих условиях главной задачей советской дипломатии было не допустить войны с объединёнными силами западного мира. Парадокс истории состоит в том, что решить

эту задачу помогла Польша — злейший враг СССР. Германопольская война уже летом 1939 г. стала неизбежной, поскольку её желали обе стороны. Поляки вполне осознавали, что победы над Германией они смогут достичь лишь в союзе с Англией и Францией, и рассчитывали, что Лондон и Париж выполнят взятые на себя союзнические обязательства. В свою очередь, Гитлер полагал, что западные демократии останутся в стороне от германопольского конфликта. Ведь все предыдущие годы Англия и Франция последовательно проводили пресловутую политику «умиротворения», венцом которой стало Мюнхенское соглашение.

В этих условиях Сталин и заключил пакт о ненападении. В результате вместо того, чтобы блокироваться против СССР, Германия и Англия с Францией начали войну между собой. Это означало, что СССР получил возможность вступить в войну позже других участников, да ещё и имея при этом некоторую свободу выбора — на чьей стороне выступить. Эту мысль И. В. Сталин сформулировал в беседе с руководством Коминтерна 7 сентября 1939 г.: «Война идёт между двумя группами капиталистических стран... за передел мира, за господство над миром! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга... Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались».

Но это ещё не всё. С мая по сентябрь 1939 г. СССР фактически находился в состоянии необъявленной войны с Японией, союзницей Германии по Антикоминтерновскому пакту. В историографии эти события известны как военный конфликт на реке Халхин-Гол. Масштабы этого конфликта станут яснее, если помнить, что к началу августа в монгольских степях Красная Армия и её монгольские союзники сосредоточили группировку в 57 тыс. человек, 542 орудия и миномёта, 498 танков, 385 бронемашин, 515 самолётов. Им противостояла 6-я отдельная армия Японии, в составе которой имелось 75 тыс. военнослужащих, до 500 орудий, 182 танка, до 700 самолётов. Как раз 20 августа 1939 г. советские войска под командованием комкора Г. К. Жукова перешли в успешное наступление и начали окружать основные силы противника на западном берегу Халхин-Гола и у монголо-маньчжурской границы.

Вполне естественно, что в Токио ждали от своего европейского союзника и инициатора Антикоминтерновского пакта поддержки в любой форме. Но дождались подлого предательства. Как сообщил временный поверенный в делах СССР в Японии Н. И. Генералов в телеграмме от 24 августа 1939 г., «известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь». Учитывая, что через два дня клещи наступающих советско-монгольских войск сомкнулись, похоронив одну из наиболее боеспособных группировок японской императорской армии, «сердечному согласию» между Третим рейхом и его дальневосточным союзником был нанесён сокрушительный удар. Япония заявила Германии резкий протест, указав, что советско-германский договор

противоречит Антикоминтерновскому пакту, в соответствии с которым подписавшие его стороны обязались «без взаимного согласия не заключать с СССР каких-либо политических договоров». Кабинет министров во главе с К. Хиранума, являвшимся сторонником совместной японо-германской войны против СССР, 28 августа 1939 г. подал в отставку. При этом Хиранума заявил, что сложившаяся ситуация делает необходимой «совершенно новую ориентацию японской внешней политики». «Августовское предательство» положило начало отходу Японской империи от однозначной ориентации на военное решение «северной проблемы» и разработке «Южного варианта» экспансии, предполагавшего войну с Англией и США. При обсуждении вопроса о направлении дальнейших ударов на одном из совещаний в 1940 г. принц Хироюсу Фусими, адмирал флота и многолетний начальник Морского штаба, не без ехидства заметил: «Мы получили начальное образование на Хасане, среднее — на Халхин-Голе. А как люди азиатские, с получением высшего образования можем и подождать. Пусть его получает Гитлер». Как известно, после нападения Германии на СССР Япония так и не выступила против нашей страны.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что, заключив 19 августа 1939 г. советско-германское экономическое соглашение, а 23 августа — пакт Молотова—Риббентропа, СССР уже тогда выиграл Вторую мировую войну на «дипломатическом фронте».

В заключение стоит привести аргументированное мнение историка О. Вишлева, досконально изучившего данный вопрос.

«Говоря о задачах, которые пытался решить Советский Союз, встав на путь урегулирования отношений с Германией, нельзя не упомянуть о широко распространённой концепции, согласно которой И. В. Сталин, заключая с Германией договор о ненападении, стремился якобы спровоцировать новую мировую войну и с её помощью вызвать революционный взрыв в капиталистических странах... Не вдаваясь в подробный разбор такого рода рассуждений, отметим: авторы, которые говорят о «коварных замыслах Кремля», упускают из виду одно весьма существенное обстоятельство. Цель развязать мировую войну советское правительство ставить перед собой не могло по одной только причине: оно было глубоко убеждено (и об этом свидетельствует доклад Сталина на XVIII съезде ВКП(б) 10 марта 1939 г.), что «новая империалистическая война» давно идёт, проявляясь в актах агрессии и территориальных захватах Японии, Италии и Германии. Втягивая в свою орбиту всё новые страны и сотни миллионов людей, эта война, по мнению советского руководства, сама неуклонно перерастала во «всеобщую, мировую», так что её не нужно было ни провоцировать, ни подталкивать.

Нельзя признать убедительным утверждение, что германо-советский договор дал якобы «зелёный свет» нападению Германии на Польшу. Окончательное решение о войне против Польши было принято Гитлером в феврале 1939 г. и оформлено соответствующей директивой в начале апреля, т. е. ещё тогда, когда о германо-советском сближении не было и речи. Ни в тот момент,

ни впоследствии поход против Польши, как свидетельствуют документы, Гитлер не ставил в зависимость от достижения договорённостей с СССР. Более того, в июне 1939 г., подтверждая своё намерение добиться «радикального разрешения польского вопроса», он подчеркнул (как по агентурным каналам стало известно в Москве), что его не остановит даже англо-франко-советский военно-политический союз, т. е. не только отсутствие договорённостей с СССР, но даже его участие в антигерманской коалиции.

...Лихорадочная дипломатическая активность, преследовавшая цель добиться улучшения отношений с Москвой, которую германская дипломатия начала проявлять с июля 1939 г., определялась не столько потребностями подготовки самой польской кампании, сколько стремлением обеспечить Германии тыл для последующего противоборства против Англии и Франции.

Заявления о том, что германо-советский договор спровоцировал нападение Гитлера на Польшу, не выдерживают критики и с военной точки зрения. Подготовка любой войны требует времени, поскольку необходимо разработать планы операций, сосредоточить войска, развернуть их в боевые порядки, провести мобилизационные мероприятия и т. д. Невозможно представить, что за несколько дней, прошедших с момента подписания соглашения с Москвой, и даже за месяц — начиная с конца июля 1939 г., с того момента, когда стали обозначаться некоторые сдвиги на германо-советских переговорах, — нацистское руководство смогло провести весь комплекс мероприятий по подготовке к войне. Вся эта работа была проведена значительно раньше. К 23 августа 1939 г. германские вооружённые силы фактически уже завершили боевое развёртывание для нападения на Польшу в соответствии с оперативным планом, утверждённым ещё 15 июня 1939 г.

Правительство СССР пошло на заключение с Германией договора о ненападении и на подписание с ней секретного дополнительного протокола о разграничении сфер интересов в Восточной Европе после того, как стало ясно, что германо-польская война неизбежна... В результате германо-польской войны и планировавшегося Гитлером одновременно с этим решения «проблемы Прибалтики» (о чём было известно советскому руководству) возникла опасность выхода вермахта к государственной границе СССР в непосредственной близости от Ленинграда, Минска и Киева. Угроза фашистской агрессии была вполне реальной, и требовалось принимать самые решительные меры для её предотвращения. Договор с Германией советское правительство рассматривало как запасной вариант обеспечения безопасности СССР. Делать ставку лишь на достижение соглашения с Лондоном и Парижем, зная, что они могут предпочесть, если представится такая возможность, договор не с Советским Союзом, а с Германией, причём за счёт и против Советского Союза, было шагом весьма неосмотрительным. В Москве понимали, что нацистская Германия — партнёр в высшей степени ненадёжный и что Гитлер не отказался от своих принципиальных программных установок в отношении СССР. Но там понимали и другое: может возникнуть такая ситуация, при которой иной возможности отвести от СССР военную угрозу, пусть даже на время и ценой

определённых моральных потерь, кроме соглашения с Германией о ненападении, попросту не будет.

Соглашение, подписанное 23 августа 1939 г. в Москве, давало Советскому Союзу определённые гарантии безопасности. Немцы обязались воздерживаться в отношении СССР «от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения... как отдельно, так и совместно с другими державами», а также консультироваться с ним при решении вопросов, которые могли затронуть его интересы. Они соглашались не распространять свою военно-политическую активность на польские территории восточнее линии рек Писса—Нарев—Висла—Сан и на прибалтийские государства севернее литовско-латвийской границы, т. е. на районы вдоль западных рубежей Советского Союза, являвшиеся зоной его безопасности.

Ни договор о ненападении, ни прилагавшийся к нему секретный дополнительный протокол не содержали статей о военном сотрудничестве двух стран и не налагали на них обязательств по ведению боевых совместных действий против третьих стран либо по оказанию помощи друг другу в случае участия одной из договаривающихся сторон в военном конфликте».

В чём причины неудач Красной Армии в начальный период войны

В 3 ч 15 мин 22 июня 1941 г. 637 бомбардировщиков и 231 истребитель германских ВВС нанесли массированный удар по 31 советскому аэродрому. Всего в этот день авиаударам противника, в которых участвовало 1765 бомбардировщиков и 506 истребителей, подверглось 66 советских аэродромов, на которых находилось 70 % ВВС приграничных округов. По германским данным, первый удар привёл к уничтожению 890 советских самолётов (668 на земле и 222 в воздушных боях), потери люфтваффе составили всего 18 самолётов. Но советские ВВС вовсе не были разгромлены и практически сразу же начали наносить ответные удары по германской территории. К сожалению, эти довольно разрозненные налёты при наличии развёрнутой системы ПВО не смогли нанести противнику значительного ущерба. К вечеру 22 июня потери советских ВВС, по германским данным, достигли 1811 самолётов (1489 уничтоженных на земле и 322 сбитых в воздушных боях), а люфтваффе потеряло 35 самолётов и около 100 самолётов было повреждено.

Перейдя границу, ударные группировки вермахта стали развигивать наступление в глубь советской территории. Будучи застигнутыми врасплох, советские войска не имели возможности организованно вступить в сражение и не смогли создать сплошного фронта обороны. Хотя некоторым советским частям удалось остановить продвижение противника, общая обстановка на фронте складывалась в пользу вермахта, захватившего стратегическую инициативу. Уже к исходу 22 июня германские войска продвинулись в Прибалтике на 60—80 км, в Белоруссии — на

40—60 км, а на Украине — на 10—20 км. Неорганизованному вступлению советских войск в сражение способствовало и шокное состояние советского руководства, которое совершенно не ожидало германского вторжения. Не случайно в первые часы войны Москва запретила ответные действия против вторгшегося врага и лишь после формального объявления войны Красная Армия получила приказ «действовать по-боевому», а в 7 ч 15 мин была издана директива № 2, которая ставила задачу изгнать врага с советской территории. Советское военно-политическое командование, плохо представляя ситуацию на фронте, попыталось вырвать у противника стратегическую инициативу, и вечером 22 июня войска получили разработанную на основе предвоенных планов директиву № 3, которая предусматривала переход войск Северо-Западного, Западного и Юго-Западного фронтов в наступление с целью разгрома германских группировок в районах Сувалок и Люблина 23—24 июня. Поспешно подготовленные контрудары имели минимальный успех. Так, контрудары войск Северо-Западного (23—24 июня) и Западного (23—25 июня) фронтов привели лишь к значительным потерям, но практически не повлияли на развитие операций ударных группировок противника. Лишь на Юго-Западном фронте, где 26—29 июня в районе Луцк—Ровно—Броды произошло крупнейшее танковое сражение начала Второй мировой войны, советским войскам удалось остановить продвижение германских войск, но понесённые потери в танках привели к фактическому прекращению существования большей части мехкорпусов фронта.

В результате переломить ход боевых действий не удалось, и 25 июня советское командование приняло решение отвести войска на рубеж Западной Двины и линии старых укреплённых районов. Однако это решение запоздало. Германские войска уже форсировали Западную Двину и развивали наступление на Псков, который был занят 9 июля. В Белоруссии 28 июня танковые группы противника соединились в районе Минска, окружив 26 дивизий 3, 10 и 13-й армий в Налибокской пуще. На Западном направлении образовалась 400-километровая брешь. Сделав вывод, что противник наносит главный удар на Западном направлении, советское командование ещё 26 июня приняло решение передислоцировать в Белоруссию войска 16-й и 19-й армий с Украины и перебросить из внутренних округов и с других направлений 70 дивизий. Все эти переброски требовали времени, а пока отдельные советские части пытались задержать продвижение германских танковых сил к Днепру. К исходу 9 июля войска группы армий «Центр» вышли на линию Полоцк—Витебск—Орша—Жлобин, продвинувшись на 450—600 км. На Юго-Западном фронте советские войска с 1 июля начали отходить на линию старых УР, но части 1-й танковой группы противника успели преодолеть эти укрепления до их занятия советскими частями. К 9 июля группа армий «Юг» в Западной Украине продвинулась на 300—350 км. Так закончился первый этап кампании 1941 г.

В чём же крылись причины столь неудачного начала войны для Советского государства?

● ● ● *Разведка доложила точно?*

Если почитать современную литературу, посвящённую истории отечественных спецслужб, возникает впечатление, что наша разведка испокон веков работала безуспешно, а все военные неудачи происходили исключительно из-за неразумных правителей и полководцев, не прислушивавшихся к её донесениям. В первую очередь это касается начала Великой Отечественной войны. Многие люди в нашей стране до сих пор уверены, что советская разведка сообщала точную информацию по всем ключевым вопросам, связанным с предстоящим нападением Германии, включая его дату. Однако слепо веривший А. Гитлеру И. В. Сталин игнорировал эти предупреждения. В результате советское руководство не смогло должным образом подготовиться к отражению агрессии, что и привело к трагедии лета 1941 г. Соответствует ли действительности подобная картина?

Разумеется, знать, что Германия скоро нападёт, было очень важно. Но факт агрессивности и вероломства нацистов для советских политиков и военных был очевиден с 1935 г., с VII конгресса Коминтерна. Для противодействия агрессии «здесь и сейчас» необходимо выяснить:

- когда конкретно будет нападение;
- какие силы противника будут задействованы;
- каковы направления главных ударов?

Именно на эти вопросы и должна была ответить советская разведка. Удалось ли ей это сделать?

Как известно, в СССР разведывательной деятельностью занимались 5 ведомств — Наркомат обороны (НКО), Наркомат Военно-Морского Флота (НКВМФ), Наркомат внутренних дел (НКВД) (с февраля 1941 г. Наркомат государственной безопасности (НКГБ), Наркомат иностранных дел (НКВД) и Коминтерн. В их деятельности имелась своя специфика, а история их разведок известна лишь в самых общих чертах. Столь же фрагментарными остаются и ещё долго останутся сведения об агентурной сети советской разведки накануне войны.

Довольно распространённой в историографии является версия о кризисе разведки в период репрессий 1937—1938 гг., но П. А. Судоплатов, занимавший накануне войны высокий пост в органах госбезопасности, отмечал, что, хотя разведке был нанесён ущерб в связи с устранением многих опытных работников, контакты с агентами в основном были сохранены и в 1940—1941 гг. ещё больше расширились. Созданные в 1930-е гг. разведгруппы и каналы получения информации продолжали исправно функционировать. Правда, с ноября 1938 г. по март 1939 г. поступление развединформации резко сократилось, но потом положение вновь стабилизировалось...

Кроме того, советские органы госбезопасности активно использовали для получения военной и политической информации радиоразведку, которая осуществлялась на очень высоком уровне. Специалисты по радиоразведке НКВД занимались перехватом и дешифровкой дипломатической документации иностранных посольств в Москве. В феврале 1941 г. группа дешифровки

вошла в состав 5-го (шифровального) управления НКГБ. Серьёзным успехом этой группы стала дешифровка японских дипломатических кодов.

В Красной Армии ещё до войны существовали и активно работали радиодивизионы особого назначения (ОСНАЗ). Из доступных документов следует, что они занимались радиоперехватом, пеленгацией штабов войск противника, прослушиванием телефонных разговоров и постановкой радиопомех в приграничной полосе, их деятельностью руководило Разведуправление через разведывательные отделы военных округов.

К настоящему времени в распоряжении историков имеется довольно много информации о результатах деятельности советских разведорганов. К сожалению, представители спецслужб при отборе для публикации ранее секретных материалов стремятся подтвердить лестный их профессиональному самолюбию тезис о том, что разведка «знала всё». Так, П. И. Ивашутин, изложив успехи разведки, делает вывод, что «нападение фашистской Германии на Советский Союз ни в стратегическом, ни в тактическом плане не было внезапным. Другое дело, что вторжение фашистских войск на нашу территорию застало советские войска врасплох, так как они не были заблаговременно приведены в полную боевую готовность».

По мнению В. А. Кирпиченко, «разведка в предвоенный период свой долг выполнила. Она использовала все имевшиеся сведения о приготовлениях Германии к войне. Была масса неопровержимых материалов из очень солидных источников. То, что им не было придано должного значения, это уже от разведки не зависело». По его мнению, приведённая позиция является окончательным словом разведки и «пересмотра нашей концепции не будет».

Однако нельзя не согласиться с П. А. Судоплатовым, который пишет, что «руководство страны не смогло правильно оценить полученную по разведывательным каналам информацию, но надо сначала разобраться с вопросом, что представляла собою эта информация». В историографии отсутствуют исследования самих разведанных с точки зрения их достоверности и объективности, но даже при выборочной публикации видно, что материалы далеко не всегда соответствовали действительности и часто содержали взаимоисключающую информацию. В литературе можно встретить утверждения, что «материал об основных положениях плана «Барбаросса», утверждённого А. Гитлером 18 декабря 1940 г., уже через неделю был передан военной разведкой в Москву». К сожалению, это не соответствует действительности. 29 декабря 1940 г. советский военный атташе в Берлине генерал-майор В. И. Тупиков доложил в Москву о том, что «Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года. Дано задание о проверке и уточнении этих сведений». Получив это донесение, Москва потребовала «более внятного освещения вопроса». 4 января 1941 г. из Берлина пришло подтверждение достоверности этой информации, основанной «не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам». Однако источник не видел этого

документа, и в его сообщении содержались следующие сведения: «Подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на востоке». К тому же в повторном сообщении речь шла уже не о марте, а о весне 1941 г.

Сам по себе этот факт является крупной удачей советской разведки, но следует отметить, что эта информация содержала роковую неточность: 18 декабря 1940 г. Гитлер не отдавал приказа о подготовке войны с СССР (он сделал это ещё в июне — июле 1940 г.), а подписал стратегический план войны с СССР — основной документ дальнейшего военного планирования. Сведения о возможном начале войны в марте 1941 г. после вывода из войны Англии были безусловной дезинформацией, так как в директиве № 21 «Барбаросса» был указан примерный срок завершения военных приготовлений — 15 мая 1941 г. и подчёркивалось, что СССР должен быть разгромлен «ещё до того, как будет закончена война против Англии». Таким образом, советской разведке удалось получить сведения о том, что Гитлер принял какое-то решение, связанное с советско-германскими отношениями, но его точное содержание осталось неизвестным. Более того, из-за невозможности проверить действительное содержание документа возникало явное запаздывание в принятии контрмер с советской стороны. Если отдаётся приказ о разработке планов войны, за этим следует относительно долгий (несколько месяцев) процесс составления и обсуждения вариантов плана. А вот если подписан ранее разработанный план, за ним следуют уже конкретные мероприятия по сосредоточению и стратегическому развёртыванию войск, перебазированию войсковых запасов и т. д.

Даже назначив дату нападения, можно затем её перенести. Так, начавшееся 10 мая 1940 г. немецкое наступление на Западном фронте перед этим откладывалось 38 раз. Приказ о назначении окончательного срока начала войны против СССР (22 июня 1941 г.) был отдан главнокомандующим Сухопутными войсками Германии генерал-фельдмаршалом В. фон Браухичем лишь 10 июня 1941 г.

Но и в этом приказе говорилось, что, пока не миновало 18 июня, срок начала операции можно перенести. И даже вплоть до 13 ч 21 июня сохраняется возможность передумать, хотя это и будет сопряжено с большими издержками. Сумела ли советская разведка узнать этот срок? Одним из постоянных сюжетов отечественной историографии является версия о ценнейших материалах Р. Зорге, которые не были приняты во внимание Сталиным. Однако даже выборочно опубликованные донесения Зорге показывают, что в них много неточных и противоречивых сведений о намерениях Германии. Что же именно докладывал из Токио этот советский разведчик?

10 марта 1941 г.: «Новый германский военный атташе считает, что по окончании теперешней войны должна начаться ожесточённая борьба Германии против Советского Союза».

2 мая: «Я беседовал с германским послом Оттом и морским аташе о взаимоотношениях между Германией и СССР... Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией».

19 мая: «Новые германские представители, прибывшие сюда из Берлина, заявляют, что война между Германией и СССР может начаться в конце мая, так как они получили приказ вернуться в Берлин к этому времени. Но они также заявили, что в этом году опасность может и миновать».

30 мая: «Берлин информировал Отта, что немецкое выступление против СССР начнётся во второй половине июня. Отт на 95 % уверен, что война начнётся».

1 июня: «Ожидание начала германо-советской войны около 15 июня базируется исключительно на информации, которую подполковник Шолл привёз с собой из Берлина, откуда он выехал 6 мая в Бангкок. В Бангкоке он займёт пост военного аташе».

15 июня: «Германский курьер сказал военному аташе, что он убеждён, что война против СССР задерживается, вероятно, до конца июня. Военный аташе не знает — будет война или нет».

Наконец, **20 июня:** «Германский посол в Токио Отт сказал мне, что война между Германией и СССР неизбежна».

Как видим, насчёт сроков нападения информация Зорге никакой практической пользы советскому руководству не несла. Что неудивительно, если учесть его источники информации — личное мнение немецких дипломатов в Японии, с которыми он общался.

Другой обширный поток разведсведений шёл от руководителей подпольной антифашистской организации «Красная капелла» обер-лейтенанта Х. Шульце-Бойзена («Старшина»), служившего в германском генеральном штабе ВВС, и сотрудника Министерства хозяйства Германии А. Харнака («Жорсижанец»).

В донесении от **9 марта 1941 г.** сообщалось: «Решён вопрос о военном выступлении против Советского Союза весной этого года с расчётом на то, что русские не смогут поджечь при отступлении ещё зелёный хлеб и немцы воспользуются этим урожаем. Цехлину от двух германских генерал-фельдмаршалов известно, что выступление намечено на 1 мая».

24 марта: «В генеральном штабе авиации среди офицеров существует мнение, что военное выступление Германии против СССР приурочено на конец апреля или начало мая. «Старшина» при этом считает, что имеется лишь 50% шансов за то, что это выступление произойдёт, всё это вообще может оказаться блефом».

2 апреля: «Референт Розенберга по СССР Лейббрандт заявил Цехлину, что вопрос о вооружённом выступлении против СССР решён... Антисоветская кампания начнётся 15 апреля».

14 апреля: «Началу военных действий должен предшествовать ультиматум Советскому Союзу с предложением о присоединении к Пакту трёх».

24 апреля: «Акция против СССР, кажется, отодвинута на задний план».

30 апреля: «Вопрос о выступлении Германии против Советского Союза решён окончательно и начало его следует ожидать со дня на день».

5 мая: «От СССР будет потребовано Германией выступление против Англии на стороне держав «Оси». В качестве гарантии, что СССР будет бороться на стороне «Оси» до решительного конца, Германия потребует от СССР оккупации немецкой армией Украины и, возможно, также Прибалтики».

9 мая: «Вопрос о нападении на Советский Союз является решённым, выступление намечено на ближайшее время... В разговорах среди офицеров штаба часто называется дата 20 мая как дата начала войны. Другие полагают, что выступление намечено на июнь».

14 мая: «Планы в отношении Советского Союза откладываются... Круги авторитетного офицерства считают, что одновременные операции против англичан и против СССР вряд ли возможны».

9 июня: «Германия предъявит СССР требование о предоставлении немцам хозяйственного руководства на Украине и об использовании советского военного флота против Англии».

16 июня: «Все военные мероприятия Германии по подготовке вооружённого выступления против СССР полностью закончены, и удар можно ожидать в любое время».

Ложные сведения о дате начала войны сообщали и другие источники. Например, военный атташе СССР в Венгрии полковник Н. Г. Ляхтеров («Марс»).

1 марта 1941 г.: «Выступление немцев против СССР в данный момент считают все немыслимым до разгрома Англии. Военные атташе Америки, Турции и Югославии подчёркивают, что германская армия в Румынии предназначена в первую очередь против английского вторжения на Балканы и как контрмера, если выступит Турция или СССР. После разгрома Англии немцы выступят против СССР».

23 мая: «Словацкий посол и военный атташе считают войну между Германией и СССР неизбежной. Нападение должно быть проведено исключительно мотомеханизированными и моторизованными частями в ближайшее время. Американский военный атташе в Румынии сказал словаку, что немцы выступают против СССР не позднее 15 июня».

Как справедливо отмечает П. А. Судоплатов, разведка имела источники в окружении военно-политического руководства Германии, но не имела доступа к документам германского командования. Поэтому получаемая информация во многом строилась на слухах и отражала колебания в германском руководстве по вопросу об отношениях с СССР.

В итоге советской разведке не удалось раскрыть стратегический замысел германского командования. Сведения о направлениях наступления вермахта были слишком противоречивы и далеко не всегда соответствовали действительности. Готовясь к использованию основных сил в Белоруссии, германское командование было заинтересовано в ослаблении противостоящей группировки Красной Армии. Для этого распространялись слухи о возможном ударе по Украине или Прибалтике. Более того, советская разведка не имела точных сведений о возможном характере боевых действий против СССР. Как отмечает П. А. Судоплатов, все предвоенные оценки исходили из идеи затяжной войны, тогда как Германия делала ставку на блицкриг.

Ещё одной из первоочередных целей советской разведки накануне войны было выявление военных приготовлений Герма-

нии, сосредоточения войск на границах СССР и определение их количества. В работе советской разведки на данном направлении большую роль играли оценочные данные о германском военном потенциале. К сожалению, они, как правило, были значительно завышены. Так, в конце 1938 г., по оценке Разведуправления, вермахт располагал 7300 танками и 5160 самолётами. В действительности на 1 сентября 1939 г., т. е. спустя 8 месяцев, германские вооружённые силы насчитывали 3474 танка и 4288 самолётов. Ставшие основой дальнейших расчётов, эти завышенные оценки постоянно возрастали. Так, по последующим оценкам, самолётный парк германских ВВС достиг к октябрю 1939 г. 5500—6000 самолётов, хотя в реальности на 1 октября люфтваффе насчитывало всего 4756 самолётов. Производственные же мощности германской авиапромышленности, наоборот, занижались. Например, среднемесячная производительность в 1939 г., по этим оценкам, составляла 330—350 самолётов вместо действительных 690 самолётов.

В марте 1940 г. появились новые оценки германских ВВС, которые исходили из расчёта, что на 1 сентября 1939 г. германский самолётный парк составлял 13 900 самолётов и оставался таковым до лета 1940 г. В реальности ВВС Германии на 1 мая 1940 г. насчитывали 5895 самолётов, а среднемесячное производство в 1940 г. составляло 902 самолёта. Оценивая развитие вооружённых сил Германии, Разведуправление в докладе от 11 марта 1941 г. отмечало, что она способна ежегодно производить 25—30 тыс. самолётов и 18—20 тыс. танков. На самом деле эти показатели были достигнуты по самолётам в 1943 г. (24,8 тыс.), а по танкам в 1944 г. (18,3 тыс.).

С октября 1939 г. советская разведка занялась выявлением германской военной группировки у советских границ. К марту 1940 г. группировка немецких войск в Польше оценивалась в 32 дивизии, тогда как в реальности их имелось всего 10, а на конец мая 1940 г. в 20 пехотных и 2 танковые дивизии, хотя в действительности там находилось всего 7 пехотных дивизий. Советская разведка правильно определила переброску войск на восток после окончания боёв на Западном фронте, но преувеличивала их численность. А это вело к другой фатальной ошибке: исходя из завышенной численности вермахта, разведка просто не могла установить реальную группировку войск, выделенных для нападения на СССР, а также моменты начала и завершения их сосредоточения. В глазах наших агентов даже полностью развёрнутая армия вторжения выглядела простой армией прикрытия грядущей «Великой» армии Гитлера.

В имеющихся материалах нередко наблюдаются межведомственные расхождения в оценке германских войск на востоке. Так, по сведениям НКВД, на 16 июля 1940 г. имелось 40 пехотных и 2 танковые дивизии, а по данным Разведотдела штаба Западного Особого военного округа (ЗаповО) — 28 пехотных. На 23 июля Разведотдел штаба КОВО оценивал германскую группировку в 50 пехотных дивизий, 2 танковые бригады и 2 танковых полка, разведка НКВД — в 50 пехотных и 4 танковые дивизии, а Разведотдел штаба ЗаповО — в 40 пехотных дивизий и 5 тан-

ковых бригад. Почему возникли эти расхождения, до сих пор неясно, но доверия к сведениям разведки они Сталину точно не прибавили.

Советская разведка предполагала наличие у границ СССР штабов 2 групп армий и 6 армий, хотя в действительности к 1 июня там находились штабы 3 групп армий, 7 армий и 3 танковых групп вермахта. Только к вечеру 21 июня состав германской группировки у границ СССР приблизительно совпал с оценками Разведуправления. Германия развернула для вторжения 3 группы армий, 7 армий и 4 танковые группы, в которых насчитывалось 122 дивизии, 1 бригада и 1 пехотный полк, ещё 4 дивизии находились в Северной Норвегии.

Кроме того, следует обратить внимание на ставшие доступными документы советского военного планирования, в которых оценивалась вероятная численность германских войск для войны с СССР. Так, в документах от июля и 18 сентября 1940 г. отмечалось, что Германия развернёт для войны с СССР до 173 дивизий (140 пехотных, 15—17 танковых, 8 моторизованных, 5 лёгких и 3 авиадесантных). В документе от 11 марта 1941 г. эта оценка возросла до 200 дивизий (165 пехотных, 20 танковых и 15 моторизованных), а согласно документу от 15 мая ожидалось развёртывание 180 дивизий (137 пехотных, 19 танковых, 15 моторизованных, 4 кавалерийские и 5 авиадесантных). Эти расчёты были чрезмерно завышены, а их сопоставление с оценкой германской группировки у советских границ показывало, что процесс сосредоточения вермахта для войны с СССР ещё далёк от завершения. По сведениям Разведуправления, на 1 июня 1941 г. на востоке было сосредоточено всего 41,6 % германских дивизий, а против Англии — 42,6 %. На самом деле к 21 июня против СССР было развёрнуто 62 % дивизий вермахта.

Таким образом, советской разведке не удалось достоверно установить ни состав вооружённых сил Германии, ни их группировку на востоке, что затрудняло оценку угрозы Советскому Союзу.

В поступавших донесениях неоднократно указывалось, что нападение Германии на СССР возможно лишь после разгрома Англии или достижения с ней мира. Экономические контакты с Германией позволили СССР достаточно хорошо изучить её экономический потенциал, и в Москве хорошо знали, что затяжная война является для Берлина непозволительной роскошью. По свидетельству Г. К. Жукова, Сталин говорил: «Германия по уши увязла в войне на Западе, и я верю в то, что Гитлер не рискнёт создать для себя второй фронт, напад на Советский Союз. Гитлер не такой дурак, чтобы не понять, что Советский Союз — это не Польша, это не Франция и что это даже не Англия и все они вместе взятые». Видимо, советское руководство вполне допускало, что Гитлер может предпринять определённые шаги для запугивания СССР своей военной мощью, но дальше угроз дело не пойдёт, поскольку нападение на СССР сразу же поставило бы Германию в чрезвычайно невыгодное положение.

Составители сборника документов «Секреты Гитлера на столе у Сталина» также признают, что спецслужбы «не оценили совокупность добытых сведений, не проанализировали поступившей информации, не сделали необходимого вывода», а отсутствие обобщающих докладов было минусом в их работе. В результате, «будучи доложенной руководством страны в разоблачённом виде, информация о военных приготовлениях не создавала убедительной целостной картины происходящих событий, не отвечала на главный вопрос: с какой целью эти приготовления осуществляются, принято ли правителями Германии политическое решение о нападении, когда следует ожидать агрессии, каковы будут стратегические и тактические цели ведения противником военных действий». Г. К. Жуков высказался ещё более категорично: «Сейчас бытуют разные версии о том, что мы знали о выдвигении войск противника на исходные рубежи и даже конкретно о дне нападения немцев. Эти версии лишены основания и не могут быть подтверждены официально. Военному руководству были известны лишь общие предположительные сведения, которые были известны многим». Более того, и Жуков, и А. М. Василевский свидетельствуют, что в Москве не знали не только о сроках германского нападения, но и о том, будет ли это нападение вообще.

В итоге анализ доступных материалов по работе советской разведки накануне войны показывает, что, несмотря на наличие довольно развитой разведсети, она не смогла добыть и представить руководству материалы, которые давали бы однозначный ответ на вопрос о намерениях Германии летом 1941 г.

● ● ● *Роль репрессий в армии*

Одной из причин неудач советских Вооружённых Сил в начале Великой Отечественной войны принято считать репрессии, которым подвергся их командный состав в 1937—1938 гг. Впервые об этом в СССР было сказано в знаменитом докладе Н. С. Хрущёва на XX съезде КПСС в 1956 г.: «Весьма тяжкие последствия, особенно для начального периода войны, имело также то обстоятельство, что на протяжении 1937—1941 годов, в результате подозрительности Сталина, по клеветническим обвинениям истреблены были многочисленные кадры армейских командиров и политработников. На протяжении этих лет репрессировано было несколько слоёв командных кадров, начиная буквально от роты и батальона и до высших армейских центров, в том числе почти полностью были уничтожены те командные кадры, которые получили какой-то опыт ведения войны в Испании и на Дальнем Востоке». Тезис об «обезглавленной Красной Армии» состоит из двух базовых утверждений:

1) в ходе репрессий был уничтожен едва ли не весь офицерский корпус, в результате чего армия к 1941 г. осталась без опытных командиров;

2) М. Н. Тухачевский и другие погибшие военачальники высшего ранга были выдающимися полководцами, устранение которых явилось невосполнимой утратой.

Рассуждающие о масштабах чистки, постигшей Красную Армию, чаще всего говорят о 40 тыс. репрессированных офицеров. Эта цифра была введена в широкий оборот Д. А. Волкогоновым: «По имеющимся данным, с мая 1937 года по сентябрь 1938 года, т. е. в течение полутора лет, в армии подверглись репрессиям 36 761 человек, а на флоте более 3 тысяч». Сам Волкогонов, правда, тут же сделал важную оговорку, которую часто предпочитают не замечать: «Часть из них была, правда, лишь уволена из РККА».

А. Н. Яковлев ведёт речь уже о 70 тыс. командиров, причём утверждает, что все они были уничтожены: «Более 70 тысяч командиров Красной Армии были уничтожены Сталиным ещё до войны». Ещё бóльшую цифру приводят В. Н. Рапопорт и Ю. А. Геллер: «Поэтому мы вынуждены считать, что убыль кадрового состава за два года чистки составила приблизительно 100 тыс. человек».

Что же было на самом деле? Обратимся к архивным документам. Всего за первые 10 месяцев 1937 г. из РККА были уволены 13 811 лиц командно-начальствующего состава, из них арестованы 3776 человек.

Следующий документ даёт картину армейской чистки за более широкий период времени:

«За последние пять лет (с 1934 г. по октябрь 1939 г.) из кадров РККА ежегодно увольнялось следующее количество начсостава:

В 1934 г. уволены 6596 чел., или 5,9% к списочной численности, из них:

- а) за пьянство и моральное разложение — 1513;
- б) по болезни, инвалидности, за смертью и пр. — 4604;
- в) как арестованные и осуждённые — 479.

Всего — 6596.

В 1935 г. уволены 8560 чел., или 7,2 % к списочной численности, из них:

- а) по политико-моральным причинам, служебному несоответствию, по желанию и пр. — 6719;
- б) по болезни и за смертью — 1492;
- в) как осуждённые — 349.

Всего — 8560.

В 1936 г. уволены 4918 чел., или 3,9% к списочной численности, из них:

- а) за пьянство и политико-моральное несоответствие — 1942;
- б) по болезни, инвалидности и за смертью — 1937;
- в) по политическим мотивам (исключение из партии) — 782;
- г) как арестованные и осуждённые — 257.

Всего — 4918.

В 1937 г. уволены 18 658 чел., или 13,6 % к списочной численности, из них:

- а) по политическим мотивам (исключение из партии, связь с врагами народа) — 11 104;
- б) арестованных — 4474;
- в) за пьянство и моральное разложение — 1139;
- г) по болезни, инвалидности, за смертью — 1941.

Всего — 18 658.

В 1938 г. уволены 16 362 чел., или 11,3% к списочной численности, из них:

а) по политическим мотивам — исключённые из ВКП(б), которые согласно директиве ЦК ВКП(б) подлежали увольнению из РККА и за связь с заговорщиками, — 3580;

б) иностранцы (латыши — 717, поляки — 1099, немцы — 620, эстонцы — 312, корейцы, литовцы и др.), уроженцы заграницы и связанные с ней, которые уволены согласно директиве народного комиссара обороны от 24.6.1938 за №200/ш, — 4138;

в) арестованных — 5032;

г) за пьянство, растраты, хищения, моральное разложение — 2671;

д) по болезни, инвалидности, за смертью — 941.

Всего — 16 362.

В 1939 г. на 25.10 уволен 1691 чел., или 0,6% к списочной численности, из них:

а) по политическим мотивам (исключение из партии, связь с заговорщиками) — 277;

б) арестованных — 67;

в) за пьянство и моральное разложение — 197;

г) по болезни, инвалидности — 725;

д) исключено за смертью — 425.

Общее число уволенных за 6 лет составляет — 56 785 чел.

Всего уволены в 1937 и 1938 гг. — 35 020 чел., из этого числа:

а) естественная убыль (умершие, уволенные по болезни, инвалидности, пьяницы и др.) составляют — 6692, или 19,1% к числу уволенных;

б) арестованные — 9506, или 27,2% к числу уволенных;

в) уволенные по политическим мотивам (исключённые из ВКП(б) — по директиве ЦК ВКП(б) — 14 684, или 41,9% к числу уволенных;

г) иностранцы, уволенные по директиве народного комиссара обороны, — 4138 чел., или 11,8% к числу уволенных.

Таким образом, в 1938 году были уволены по директиве ЦК ВКП(б) и народного комиссара обороны 7718 чел., или 41% к числу уволенных в 1938 году.

Наряду с очисткой армии от враждебных элементов часть начсостава была уволена и по необоснованным причинам. После восстановления в партии и установления неосновательности увольнения возвращены в РККА 6650 чел., главным образом капитаны, старшие лейтенанты, лейтенанты и им равные, составляющие 62% этого числа.

На место уволенных пришло в армию проверенных кадров из запаса 8154 чел., из одногодичников — 2572 чел., из политсостава запаса — 4000 чел., что покрывает число уволенных.

Увольнение по 1939 году идёт за счёт естественной убыли и очистки армии от пьяниц, которых народный комиссар обороны своим приказом от 28 декабря 1938 года требует беспощадно изгонять из Красной Армии...

Начальник 6 отдела полковник (Ширяев)

20 октября 1939 г.».

Таким образом, фактическая убыль из армии командно-начальствующего и политического состава составляет:

1) за 1936—1937 гг. — 19 674 человека, или 6,9% к списочной численности (в том числе 2827 человек политсостава);

2) за 1938—1939 гг. — 11 723 человека, или 2,3% от списочной численности (в том числе 3515 человек политсостава), т. е. почти в 3 раза меньше по сравнению с 1936—1937 гг.

Итого, в 1937—1938 гг. из Красной Армии действительно было уволено около 40 тыс. офицеров. Однако если исключить из рассмотрения уволенных за пьянство, моральное разложение, совершение уголовных преступлений, а также умерших, уволенных по болезни и т. п., то масштабы чистки оказываются следующими: общее число офицеров, репрессированных в 1937—1939 гг. (без ВВС и ВМФ), составляет 8122 арестованных и 9859 уволенных из армии.

Конечно, свыше 18 тыс. выбывших из армии офицеров — это тоже немало. Но гораздо более существенным фактором серьезной нехватки командных кадров перед войной стал резкий рост численности Красной Армии. Широкомасштабный процесс создания новых воинских формирований продолжался практически непрерывно в 1935 — первой половине 1941 г. В эти годы некомплект комсостава изменялся следующим образом: 1935 г. — 17,9 %; 1936 г. — 18,7 %; 1937 г. — 21,7 %; 1938 г. — 25,2 %; 1939 г. — 31,6 %; 1940 г. — 19 %; 1 января 1941 г. — 13 %.

Но может быть, имело место ухудшение качественного состава офицерского корпуса? По мнению того же Волкоглонова, «следствием кровавой чистки явилось резкое снижение интеллектуального потенциала в армии и на флоте. К началу 1941 года лишь 7,1 % командно-начальствующего состава имели высшее военное образование, 55,9 % — среднее, 24,6 % — ускоренное образование (курсы) и 12,4 % командиров и политработников не имели военного образования».

Однако в литературе существует и иное мнение: «Репрессии не наложили, да и не могли наложить из-за незначительности их масштабов по сравнению с общей массой офицерского корпуса, видимого отпечатка на образовательный уровень. Некоторое падение доли офицеров, имеющих среднее военное образование, в 1938—1939 гг. объясняется не репрессиями, а значительным притоком в армию офицеров из запаса, из сверхсрочников и особенно офицеров, окончивших курсы младших лейтенантов. В то же время в предвоенные годы наблюдается устойчивая тенденция к увеличению процента офицеров, имеющих академическое образование. В 1941 году этот процент был наивысшим за весь межвоенный период и равнялся 7,1 %. До репрессий, в 1936 году, эта цифра составляла 6,6 %. Проведённые расчёты показывают, что в период репрессий наблюдался устойчивый рост количества начсостава, имеющего среднее и высшее военное образование. Так, академическое образование в 1936 году имело 13 тыс. лиц начсостава, в 1939 году — после фактического окончания репрессий — 23 тыс., в 1941 году — 28 тыс. офицеров. Военное образование в объёме военной школы имело соответственно 125, 156 и 206 тыс. военнослужащих».

Если взять официальные данные Главного управления кадров Красной Армии, то по состоянию на 1 января 1941 г. из 1833 командиров полков 14 % окончили военные академии, 60 % — военные училища и лишь 26 % имели ускоренное военное образование.

А как быть с высшим комсоставом? Как отразились репрессии на уровне его профессиональной подготовки? Как ни парадоксально, но объективно этот уровень вырос. Согласно новейшим исследованиям, перед началом репрессий 29 % военачальников имели академическое образование, в 1938 г. их было уже 38 %, а в 1941 г. — 52 %. В целом по высшему командному составу количество вновь назначенных офицеров и генералов, имеющих высшее военное образование, превышает число арестованных с аналогичным образованием на 45 %. Более того, после репрессий на вышестоящие должности повсеместно назначались лишь командиры, показавшие наивысший уровень именно профессиональной подготовки, а не готовность участвовать в политической борьбе или продемонстрировавшие «идеологические» заслуги прошлых лет.

Некоторые авторы считают, что репрессии сказались на уровне военно-научных разработок, в частности привели к откату от теории «глубокой наступательной операции», к которой вновь вернулись лишь в 1940 г. Но если бы это действительно было так, то армия получила бы новые воинские уставы и наставления, кардинально отличающиеся от принятых до 1937 г. Однако ничего подобного не происходило. Столь же надуманной представляется версия об отсутствии после репрессий в РККА военной доктрины. Поскольку военной доктриной называется «принятая в государстве на данное определённое время система взглядов на сущность, цели и характер будущей возможной войны, на подготовку к ней страны, Вооружённых Сил и на способы её ведения», то устранение части командного состава вовсе не отменяет её наличия, так как её принципы закреплены в воинских уставах и наставлениях Вооружённых Сил.

Наиболее серьёзным аргументом является указание на то, что военно-научные труды «врагов народа» были изъяты из библиотек. Однако не следует забывать, что войска обучаются не по трудам отдельных военачальников, а по воинским уставам и наставлениям, которые никто не отменял. Как правило, из инструкций, руководств и наставлений просто изымали титульные листы или замазывали подписи репрессированных лиц и до нового издания все эти документы являлись действующими и использовались в войсках. В итоге теория «глубокой наступательной операции» не только не была отброшена, но, наоборот, определяла всю подготовку Красной Армии.

**Российский историк А. Филиппов
о готовности Красной Армии к войне**

Главным доказательством неприведения наших войск в боевую готовность перед агрессией многие считают сам факт их поражений, хотя прямой связи тут нет. Вместо нечётких голословных утверж-

дений о том, что войска не приводились в боеготовность, пора бы определить конкретный перечень главных мер, которые надо было осуществить для достижения требуемой готовности перед войной. И выявить, какие из них были проведены в жизнь до войны, вовремя, что не было сделано и как это повлияло на исход первых сражений.

В 1935—1941 гг. руководством СССР был проведён ряд крупных мер по повышению боеготовности советских Вооружённых Сил:

1) перевод Красной Армии в 1935—1939 гг. на кадровую основу;

2) введение всеобщей воинской обязанности в 1939 г.;

3) создание и развёртывание серийного производства нового поколения танков и самолётов в 1939—1941 гг., до войны;

4) стратегическое мобилизационное развёртывание Вооружённых Сил в 1939—1941 гг. из армии мирного времени в армию военного времени (до войны!), с 98 дивизий до 303 дивизий;

5) создание и сосредоточение на западных границах в 1939—1941 гг. армий прикрытия невиданной в истории человечества для мирного времени численности в 186 дивизий, с учётом 16 дивизий второго стратегического эшелона, прибывших в армию прикрытия до войны;

6) подготовка Западного ТВД к войне — аэродромы, укрепрайоны, дороги.

В апреле—июне 1941 г., с нарастанием угрозы войны, были приняты дополнительные срочные меры по повышению боеготовности, включавшие:

— призыв в апреле—мае 793 тыс. резервистов для пополнения войск западных военных округов почти до штатов военного времени;

— директиву начальника Генштаба от 14 апреля о срочном приведении в боеготовность всех долговременных огневых сооружений, укреплённых районов с установкой в них оружия полевых войск при отсутствии табельного;

— скрытую переброску с 13 мая из внутренних округов войск второго стратегического эшелона в западные округа с приведением при этом в боеготовность 7 армий и 66 дивизий...

— приведение в боеготовность 63 дивизий резервов западных округов и выдвижение их ночными маршами, скрытно, с 12 июня в состав армий прикрытия этих округов (директива НКО от 12.6.41);

— приведение в боеготовность и скрытый вывод под видом учений в месте сосредоточения 52 дивизий второго эшелона армии прикрытия из мест постоянной дислокации (приказ НКО от 16.6.41);

— вывод дивизий первого эшелона армий прикрытия в укрепрайоны по телеграмме начальника Генштаба от 10.6.41 и указанию наркома обороны от 11.6.41 — с начала июня;

— приведение всех войск ПриОВО и ОдОВО в готовность 18—21.6.41;

— создание с апреля 1941 г. командных пунктов и занятие их 18—21 июня срочно сформированными фронтовыми управлениями;

— создание группы армий С. М. Будённого на линии Днепра 21.6.41;

— досрочный выпуск по Приказу НКО от 14 мая из всех училищ и направление выпускников в западные приграничные округа;

— Приказ НКО № 0367 от 27.12.40 и его повторение 19.6.41 о рассредоточении и маскировке самолётов и т. п.;

— направление зам. наркома обороны генерала К. А. Мерецкова И. В. Сталиным в ЗапОВО и ПриОВО для проверки боеготовности ВВС округов 14.6.41;

— издание директивы НКО и Ставки (№ 1) о приведении в боеготовность войск западных военных округов (подписана 21.6.41 в 22.00, так как С. К. Тимошенко и Г. К. Жуков уже в 22.20 вышли от Сталина, получив одобрение им этой директивы и отправив её с Н. Ф. Ватутиным на узел связи Генштаба).

Всего в боевую готовность до нападения немцев были приведены, таким образом, 225 из 237 дивизий Красной Армии, предназначенных для войны против Германии и её союзников по планам обороны.

Не были проведены в жизнь до войны только две важные меры — всеобщая мобилизация в стране и ввод войск в предполье укрепрайонов.

Стратегическое мобилизационное развёртывание Красной Армии до войны в армию военного времени (5,4 млн чел.), создание огромных армий прикрытия, скрытая мобилизация дополнительно 793 тыс. запасных и др. позволили осуществить практически бóльшую часть мер, предусмотренных всеобщей мобилизацией, в силу чего необходимость в проведении её до войны отпала. Уже в мирное время были сформированы все 303 дивизии, запланированные до войны. Было сделано всё главное, что страна должна была и могла сделать для успешного отражения надвигавшейся агрессии, если не затрагивать вопроса о качестве наших войск в сравнении с гитлеровскими. Фактически с марта 1941 г. происходило встречное стратегическое сосредоточение и развёртывание вооружённых сил Германии для агрессии и частей Красной Армии для её отражения.

Фактически сейчас просчётом в вероятных сроках нападения немцев называют совсем другое — решение Сталина, несмотря на очевидную неизбежность агрессии Германии в июне 1941 г., не объявлять всеобщую мобилизацию и не вводить войска в предполье укрепрайонов до нападения немцев, считая проведённые весной 1941 г. мероприятия вполне достаточными, а армии прикрытия в 186 дивизий — способными отразить любое внезапное нападение Германии и её союзников!

Это не просчёт в сроках, а сознательное, учитывающее все плюсы и минусы решение. Ошибся Сталин в одном — переоценил боеготовность наших войск, выглядевших по числу дивизий и боевой техники значительно сильнее вермахта. Это был главный и единственный просчёт Сталина (и НКО тоже).

Кто и как ковал Победу

Говоря о нашей Победе, невозможно не подчеркнуть неразрывное единство фронта и тыла. Вторая мировая и Великая Отечественная войны были воистину тотальными войнами, которые вели вооружённые народы, используя буквально все доступные приёмы, возможности и ресурсы.

Исследование столь масштабной вооружённой борьбы, казалось бы, самой огромностью и сложностью задач должно предостерегать от скоропалительных выводов и фальсификаций. Но не тут-то было. В первой половине 1990-х гг. были выработаны и даже вошли в часть учебной литературы (особенно в учебники по новейшей истории А. А. Кредера и др.) несколько безапелляционных суждений, по сути своей направленных на принижение значения нашей Победы. Вкратце можно суммировать содержание данных суждений в следующих тезисах:

1. Советская военная экономика сумела выстоять только благодаря ГУЛАГовскому террору и поставкам по ленд-лизу.

2. Вклад Советского Союза в победу над агрессорами не превосходит вклада его западных союзников, а их военные успехи имели не меньшее, а даже большее значение, нежели «пирровы победы» Красной Армии.

Развитие данных тезисов позволяет сделать вывод, что войну выиграли западные союзники, а СССР исполнял некую малопочтенную роль источника пушечного мяса. Разберём эти утверждения.

Начнём с истории советского тыла и с экономической победы СССР над гитлеровской Германией, поскольку при изложении истории войны темы, связанные с тылом, чаще опускаются и сокращаются.

Стратегия советского руководства в 1930-е гг. исходила из представлений о неизбежности новой мировой войны. В связи с этим в стране была создана мобилизационная экономика, реализованы масштабные планы форсированной индустриализации и коллективизации. «Задержать темпы — это значит отстать», — говорил в 1931 г. И. В. Сталин. — А отсталых бьют. Но мы не хотим оказаться битыми. Нет, не хотим!.. Мы отстали от передовых стран на 50—100 лет. Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

И советские люди действительно «пробежали» это расстояние. К началу третьей пятилетки (1938—1942) техническая реконструкция в стране была в основном завершена. По объёму промышленного производства СССР в конце 1930-х гг. вышел на первое место в Европе и второе в мире (после США, в 1913 г. Россия занимала пятое место). После Мюнхена и начала войны в Европе советское руководство предприняло новые усилия по наращиванию военного потенциала. Доля расходов на оборону в государственном бюджете выросла с 12,7 % во второй пятилетке до 25,4 % в третьей. К июню 1941 г. военные расходы выросли до 43 %. Если ежегодный прирост всей промышленной продукции в мирные годы третьей пятилетки составлял в среднем 13 %, то оборонной — 39 %. В восточных районах страны строились оборонные заводы и предприятия-дублёры. Накануне войны на Урале и в Сибири уже находилась почти пятая часть всех военных заводов. Осваивалось производство новой военной техники: средних танков Т-34, тяжёлого танка «КВ», реактивных миномётов БМ-13, истребителей Як-1, Лагг-3, Миг-3, бомбардировщиков Пе-2, штурмовиков Ил-2 и др. С начала 1940 г. все танковые и авиационные заводы страны переходят

исключительно на выпуск техники новых систем. Однако и при таких темпах перевооружение армии должно было завершиться лишь в 1942 г.

Для ускорения темпов промышленного развития прибегли к милитаризации труда. С 1940 г. рабочим было запрещено переходить на другое предприятие без разрешения дирекции: самовольный уход с предприятия карался тюремным заключением на срок от 2 до 4 месяцев; за опоздание на работу на 20 минут без уважительной причины рабочий мог быть осуждён на 6 месяцев принудительных работ. Осуждение было условным: рабочий продолжал трудиться на своём месте, но у него вычитали до 25 % заработка в пользу государства. В том же году продолжительность рабочего дня была увеличена с 7 до 8 часов, вместо шестидневной рабочей недели вводилась семидневная. Указом президиума Верховного Совета СССР от 2 октября 1940 г. в стране создаётся система государственных трудовых резервов, предназначенная для обеспечения промышленности и транспорта квалифицированными рабочими за счёт профессиональной подготовки молодёжи допризывного возраста. Начинается создание сети ремесленных и железнодорожных училищ с двухлетним сроком обучения и школ фабрично-заводского обучения, где вели подготовку рабочих массовых профессий за 6—10 месяцев.

Нападение гитлеровской Германии, необходимость отражения военной агрессии потребовали коренной перестройки работы народного хозяйства СССР, мобилизации всех сил и ресурсов, их концентрации на обеспечении нужд фронта. В то же время выполнить эту задачу было очень непросто.

● ● ● *Кто нам противостоял*

Германия, целенаправленно готовясь к войне за мировое господство, создала мощную военную промышленность. К 1939 г. Третий рейх превосходил СССР по добыче угля, выплавке стали, производству станков и локомотивов. Германия была мировым лидером по производству алюминия — главного материала в самолётостроении. Станочный парк немецкой промышленности был больше советского в 2,5 раза, в машиностроении в Германии было занято в полтора раза больше рабочих, чем на советских заводах. В 1939—1941 гг. военный потенциал Третьего рейха резко возрос за счёт эксплуатации ресурсов оккупированных стран и поставок союзников. Ко дню нападения на СССР в Рейхе добывали железной руды в 7 раз больше, чем до начала Второй мировой войны; выплавляли в 2 раза больше стали и в 1,7 раза больше алюминия. Гитлеровские военные заказы исполнялись на 5 тыс. военных предприятий оккупированных стран Европы. К началу 1938 г. на территории, оккупированной вермахтом в 1939—1940 гг., добывалось в 6,3 раза больше железной руды и в 7,3 раза больше нефти, чем в Рейхе.

Превосходство Германии в производстве основных видов промышленной продукции сохранялось вплоть до 1944 г.

**Производство основных видов промышленной продукции
в СССР и Германии в 1940—1944 гг.**

Продукция	СССР	Германия	Соотношение
Электроэнергия, млрд кВт·ч	195,9	352,7	1:1,8
Уголь, млн т	607,4	2924	1:4,8
Сталь, млн т	63,7	162,5	1:2,6

Германия стремилась наладить и эксплуатацию нейтральных государств, например Турции, поставившей Рейху около 16,7 млн т хромовой руды, или Испании и Португалии, из которых было получено 3770 т вольфрама. Без этих легирующих элементов с броневой сталью у вермахта были бы серьёзные проблемы. Многие нейтральные страны оказывали военной экономике Германии прямую помощь. Швейцария поставляла оптические прицелы, детонаторы, зенитные автоматы «Эрликон», снаряды, авиаприборы и другую оборонную продукцию. Для закупки оружия немцы получали кредиты в швейцарских банках. Всего до 1944 г. Берлин приобрёл уерна оружия и военного снаряжения на 980 млн швейцарских франков. Здесь же приобретались сложные металлообрабатывающие станки и высокоточное оборудование.

Ещё более значительную роль играла Швеция. В 1939—1940 гг. из 60 432 тыс. т руды, полученной промышленностью Рейха, 19 298 тыс. т было закуплено у Стокгольма, а ещё 1071 тыс. т у Норвегии.

В Германию шло 60 % подшипников, изготавливаемых флагманом их европейского производства — компанией SKF. Часть товара, произведённого филиалом SKF в США, успешно перепродавалась через нейтральные страны. За военные годы промышленники Рейха получили из США примерно 2 млн подшипников американского производства и важную техническую документацию.

Значительная часть покорившихся Гитлеру стран тоже обладала развитой промышленностью, а все они вместе взятые выплавляли 66 % стали и 51,7 % алюминия от германского производства, выпускали почти столько же автомобилей, а по судостроению значительно превосходили Германию. Приведём лишь краткие сведения о том, как вооружался агрессор за счёт захваченных им государств.

Австрия произвела для «братьев по крови» свыше 10 тыс. танков и бронемашин, включая мощнейшие в мире тяжёлые самоходки «Элефант» и «Ягдтигр», 9 тыс. самолётов, 17 тыс. авиамоторов и более 12 тыс. артиллерийских установок различных калибров.

Оккупация Чехословакии дала молодому растущему организму вермахта 308 лёгких танков LT-35, 21 лёгкий LT-40, 70 танкеток АН-1 и 75 броневедомостей, более 1 млн винтовок и пистолетов, свыше 40 тыс. пулемётов, около 4,5 тыс. орудий и

миномётов, огромное количество другого военного имущества. К 1 сентября 1939 г. чешским оружием оснастили пять пехотных дивизий, не считая прочих частей и подразделений. В 1939—1942 гг. пражские и пльзеньские заводы поставили для фюрера 1461 лёгкий танк LT-38. Имея скорость 40 км/ч, 37-миллиметровую пушку и броню, усиленную до 50 мм в лобовой части, он считался одним из лучших в своём классе. К 22 июня 1941 г. в 17 танковых дивизиях первого эшелона чешские машины составляли четверть танкового парка. По свидетельству компетентных специалистов вермахта, «без чешской военной промышленности и чешских танков у нас не было бы четырёх танковых дивизий, что сделало бы невозможным нападение на Советский Союз».

За годы войны предприятия «протектората Богемия и Моравия» произвели для Рейха 6632 танка и САУ. Разработанная чешскими конструкторами 75-миллиметровая противотанковая САУ «Хетцер» (2827 штук) стала лучшей лёгкой самоходкой Второй мировой войны. А применялось это чудо техники в основном на Восточном фронте...

Доля чешских предприятий в производстве танков росла до самого конца войны. С января по март 1945 г. из 3932 танков и самоходок, изготовленных для гитлеровских войск, чехи дали 1136, т. е. почти треть! Последние сошли с конвейера 5 мая 1945 г., уже после падения Берлина!

Значительную роль промышленность оккупированных стран сыграла и в снабжении гитлеровской армии артиллерией. От Чехии к Германии и её союзникам попало 1724 37-миллиметровых и 755 47-миллиметровых орудий: из Польши — 621 37-миллиметровая пушка, от Австрии и Франции соответственно 507 и 823 47-миллиметровых орудия.

Для обстрела Ленинграда нацисты использовали две 340-миллиметровых, шесть 400-миллиметровых и одну 520-миллиметровую гаубицу французского производства, а также шесть чешских 305-миллиметровых мортир. Даже составители «Книги рекордов Санкт-Петербурга» сочли необходимым упомянуть 520-миллиметровую гаубицу как самую большую артсистему, когда-либо стрелявшую по городу. Всего же оккупированная Европа пополнила артиллерию вермахта почти 40 тыс. стволов (без миномётов). Это свыше 80 % от того, что имела вражеская армия до 22 июня 1941 г.

Неоценимым можно назвать вклад промышленности Франции и Чехии в производство знаменитой «рамы», разведчика и артиллерийского корректировщика «Фокке-Вульф-189». Из 894 выпущенных «рам» с конвейера завода «Фокке-Вульф» в Бремене сошло лишь около двух сотен. Зато пражскими заводами фирм ЧКД и «Аэро» люфтваффе было передано 357 самолётов, а в Бордо стараниями фирмы SNCASO ещё 393. Французский завод «Амио» поставил парням Геринга свыше 500 транспортных самолётов «Юнкерс-52» — шестую часть всех выпущенных во время войны. На самолётах со свастикой работало свыше 10 тыс. авиамоторов французского производства. Американские исследователи подсчитали, что каждый восьмой двигатель для люфтваффе был родом из Франции. Именно французские авиамото-

ры «Гном-Рон» стояли на единственном в люфтваффе дальнем четырёхмоторном бомбардировщике «Фокке-Вульф-200» «Кондор», противотанковом штурмовике «Хеншель-129».

И просто гигантским оказался вклад оккупированных территорий в моторизацию вермахта. По данным В. Мюллера-Гиллебранда, на 22 июня 1941 г. из 209 немецких дивизий 92 имели автомобили либо трофейные, либо «текущего французского производства». Французская автопромышленность поставила Гитлеру свыше 20 % выпущенных для военных нужд грузовых автомобилей. Концерн «Рено» изготовил для фюрера 35 тыс. грузовиков, фирма «Пежо» — около 26 тыс., «Ситроен» — 15 тыс. Только французских грузовиков для агрессора было произведено больше, чем автомобилей всех типов в СССР за годы войны! А ведь были и 56 тыс. австрийских, 14 тыс. бельгийских, 11 тыс. чешских, 4 тыс. голландских грузовиков и тягачей. И это не считая тех автомобилей, что достались нацистам в качестве трофеев и были просто конфискованы у прежних владельцев.

Таким образом, к моменту нападения на СССР гитлеровская Германия имела мощнейшую в мире военную экономику, и, чтобы противостоять ей, требовались невиданные доселе усилия.

● ● ● *Перевод промышленности на военные рельсы*

В первые же дни войны встала задача спасения от врага огромных материальных ценностей и квалифицированных рабочих и специалистов. Эта задача решалась путём эвакуации.

24 июня 1941 г. был создан Совет по эвакуации, в задачу которого входило определение сроков и порядка вывоза предприятий, материальных ценностей и рабочей силы, а также выбор пунктов их размещения в восточных районах страны. С июля по декабрь 1941 г. в восточные районы страны было эвакуировано 2593 промышленных предприятия, в том числе 1523 крупных — столько же, сколько было построено в СССР за всю первую пятилетку. Осенью 1941 г. из одной только Москвы было эвакуировано оборудование 498 крупных заводов и фабрик. Вместе с предприятиями удалось эвакуировать от 30 до 40 % рабочих и служащих. Всего на Восток выехало около 12 млн человек — население средней величины европейского государства того времени!

Вскоре выяснилось, что в связи с быстрым ухудшением обстановки на фронтах принятые в первые дни войны меры мобилизации экономики оказались недостаточными. Вводились новые суровые меры. На производстве официально отменялись отпуска, количество выходных дней сократилось до двух в месяц. Нормой стали сверхурочные работы, продолжительность рабочего дня нередко достигала 12—14 часов. С июля по ноябрь 1941 г. в городах страны была введена карточная система продовольственного и вещевого снабжения. В декабре 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий. Указом все работавшие на производстве вооружения, боевой техники и боеприпасов объявлялись мобилизованными и закреплялись за своими предприятиями. Уход с

работы рассматривался как дезертирство, виновные предавались суду военного трибунала. А в октябре 1942 г. в СССР была введена всеобщая трудовая повинность. Всё трудоспособное городское население в возрасте от 16 до 55 лет, не занятое на предприятиях, объявлялось мобилизованным на работы в строительстве и промышленном производстве.

● ● ● *Развёртывание военного производства*

Оккупация противником важнейших экономических районов поставила экономику СССР в чрезвычайно сложное положение. На захваченной врагом территории до войны проживало 40 % населения страны, производилось 33 % продукции промышленности, выращивалось 38 % зерна. Осенью 1941 г. была потеряна Донбасс — основной угольный бассейн страны. Значительная часть эвакуированных предприятий разместилась на новых местах в самом конце 1941 г. Поэтому осень и зима 1941 г. были периодом кризиса советской военной экономики. Только начиная с 1942 г. титанические усилия советских людей стали давать свои плоды. В восточных районах страны выросла новая мощная военно-промышленная база. Вступили в строй 1200 эвакуированных заводов, ещё 800 были построены заново. По сравнению с 1940 г. объём валовой продукции промышленности Поволжья вырос в 1942 г. в 3 раза, в Западной Сибири — в 2,4 раза. Потерю Донбасса и Подмосковского угольного бассейна удалось компенсировать за счёт развития угледобычи в Печорском и Кузнецком угольных бассейнах.

Огромную проблему представляла нехватка кадров. Если в 1940 г. численность рабочих и служащих в народном хозяйстве составляла 33,9 млн человек, то к 1942 г. их осталось 18,5 млн человек, примерно третью часть из которых составляли женщины и подростки. Но несмотря на снижение количества и качества людских ресурсов, советская экономика смогла распорядиться ими грамотно. Более того, СССР в тяжелейших условиях сумел наладить подготовку квалифицированных рабочих, без которых немислимо военное производство. В 1942 г. в промышленность и на транспорт пришли 2 млн человек, прошедших программу производственного обучения, причём половину от этого числа дала созданная в 1940 г. система государственных трудовых резервов. Роль последней в достижении экономической победы позволяет понять следующая таблица.

Выпуск квалифицированных рабочих системой государственных трудовых резервов за 1941–1945 гг., чел.

Год	Школы ФЗО	Ремесленные и ж/д училища	Всего
1941	366 025	73 496	439 521
1942	375 840	193 235	569 075

Год	Школы ФЗО	Ремесленные и ж/д училища	Всего
1943	481 193	116 653	597 846
1944	294 822	121 542	416 364
1945	275 012	182 519	457 531
ИТОГО	1 792 892	687 445	2 480 337

Ещё одним резервом военной экономики стало широкое использование труда заключённых исправительно-трудовых лагерей и колоний ГУЛАГа. По состоянию на 1 января 1941 г. в лагерях и колониях насчитывалось 1 929 729 заключённых, в том числе около 1680 тыс. мужчин трудоспособного возраста. В этот период времени общая численность рабочих в народном хозяйстве СССР составляла 23,9 млн человек, а рабочих промышленности — около 10 млн человек. Таким образом, осуждённые ГУЛАГа составляли около 8 % рабочих СССР.

В начале войны перед руководством НКВД был поставлен ряд задач. Прежде всего встала задача передачи значительных контингентов осуждённых за малозначительные преступления в армию. Президиум Верховного Совета СССР 12 июля и 24 ноября 1941 г. принимал указы об амнистии и освобождении таких людей, которые сразу же направлялись в военкоматы. По двум этим указам было передано для укомплектования РККА 420 тыс. граждан. Всего же за годы войны в ряды Вооружённых сил влилось 975 тыс. бывших заключённых, освобождённых после 22 июня 1941 г., т. е. личный состав для 70 полнокровных дивизий.

Приказом НКВД от 12 июня 1941 г. вводился в действие мобилизационный план для предприятий ГУЛАГа по производству боеприпасов. В производство запускались: 50-миллиметровая мина, 45-миллиметровая картечь и ручная граната РГД-33. Задание на 1941 г. предусматривало поставку 615 тыс. картечей, 500 тыс. ручных гранат и 200 тыс. мин. В августе 1941 г. был определён и перечень 64 строек, завершение которых приобрело приоритетное значение. Неудачные боевые действия Красной Армии внесли существенные коррективы в производственные планы НКВД. Много хлопот доставила эвакуация лагерей и колоний из зоны боевых действий. Всего за два первых военных года было эвакуировано 27 исправительно-трудовых лагерей и 210 колоний (почти половина их предвоенной численности). Эвакуация осложнялась отсутствием транспорта, из-за чего людей из некоторых мест лишения свободы пришлось выводить пешим порядком на расстояние до 1000 км, а также тем, что заключённые привлекались к сооружению оборонительных рубежей, где подвергались нападениям авиации, а иногда и сухопутных войск

противника. Тем не менее с июля по октябрь 1941 г. удалось вывести в тыл 325 тыс. заключённых, которые были немедленно направлены на ударные стройки: строительство Северо-Печорской железнодорожной магистрали, Куйбышевских авиазаводов, Норильского горно-металлургического комбината.

С начала войны возникли сложности с обеспечением лагерей и колоний продовольствием и предметами вещевого снабжения. 1942 год оказался самым тяжёлым из-за второй волны эвакуации и новых перебоев со снабжением. От голода и болезней за полтора военных года умерло почти 250 тыс. заключённых. Состояние трудовых ресурсов резко ухудшилось, что видно из материалов следующей таблицы.

Состояние трудовых ресурсов ГУЛАГа НКВД в 1940—1942 гг.

Категории пригодности к труду	1940	1942
Годные к тяжёлому труду	35,6 %	19,2 %
Годные к нормальному труду	25,2 %	17 %
Годные к лёгкому труду	15,6 %	38,3 %

Тем не менее уже в 1941 г. предприятия исправительно-трудовых колоний ГУЛАГа производили большую часть предметов вещевого снабжения для тыловых военных округов, тем самым разгружая органы снабжения РККА. Среднеазиатский военный округ и Дальневосточный фронт с августа—сентября 1941 г. практически полностью снабжались интендантским, лагерным имуществом при помощи исправительно-трудовых учреждений. Представляется, что обеспечение снабжения военным имуществом тыловых военных округов, позволившее сэкономить огромные ресурсы и сосредоточить их на снабжении действующей армии, является неоценимым вкладом хозяйственных подразделений НКВД СССР в дело Победы.

С июня 1942 г. перед предприятиями ГУЛАГа была поставлена задача освоить выпуск мин калибра 82 мм с доведением их выпуска до миллиона штук в месяц. Одновременно была поставлена задача перейти на производство 120-миллиметровых мин, ручных гранат РГ-42 и авиабомб. Для поддержания выпуска боеприпасов на высоком уровне требовалось поддерживать как работоспособность оборудования, так и работоспособность людей. С 1942 г. мастера и квалифицированные рабочие стали получать пайки выше, чем сотрудники ИТК. Дневной паёк мастера или начальника смены из заключённых составлял 700 г хлеба против 500 г у чекиста. Добавим для сравнения, что норма выдачи по рабочей карточке «на воле» составляла 500 г хлеба в день.

Принятые меры позволили постоянно наращивать выпуск военной продукции. За годы Великой Отечественной войны исправительно-трудовыми колониями НКВД произведено: корпу-

сов мин — 37 685,7 тыс. шт., ручных гранат — 25 269,6 тыс. шт., инженерных мин — 14 775,1 тыс. шт. Общий же выпуск боеприпасов данных видов в Советском Союзе за годы войны характеризуется следующими данными.

Производство боеприпасов в СССР в 1941—1945 гг.

Виды боеприпасов, млн шт.	1941	1942	1943	1944	1945	Всего
Миномётные выстрелы	24,9	53,9	75,7	78,6	35,2	268,3
Инженерные мины	6,4	15,5	20,4	18,9	6,5	67,7
Ручные гранаты	16,7	50	48,7	39,4	20,8	175,6

Таким образом, хозяйственными подразделениями НКВД выпущено 14 % миномётных боеприпасов, 22 % инженерных мин и 14 % ручных гранат, поставленных промышленностью Вооружённым силам.

За годы войны колониями было пошито 22 млн единиц обмундирования для Красной Армии. В это число не включалась обувь, изготовленная на предприятиях ГУЛАГа, а также ватные штаны и телогрейки, не являвшиеся, согласно военной терминологии того времени, предметами обмундирования. Фактически в данную группу были включены такие виды изделий, как гимнастёрки (суконные и хлопчатобумажные), шаровары и шинели. Из общего числа предметов обмундирования исправительно-трудовые колонии и лагерные отделения поставили в войска примерно 12 %.

До войны заключённые работали на 350 предприятиях СССР. К 1944 г. уже 640 предприятий пользовались трудом осуждённых. Для использования труда осуждённых на производстве оборонной продукции в системе ГУЛАГа были организованы 380 промышленных колоний, в которых трудилось 225 тыс. человек. Из них 39 тыс. работали на предприятиях наркомата боеприпасов, 40 тыс. — в чёрной и цветной металлургии, 20 тыс. — в авиационной и танковой промышленности. Непосредственно в цехах использовалось 25 % заключённых, ещё 34 % были заняты в строительстве, 11 % — на горнорудных работах. Остальные использовались прежде всего на погрузочных работах. Всего за период войны на основе контрагентских договоров непосредственно предприятиям было передано почти 900 тыс. заключённых. Как можно убедиться, вклад в общее дело Победы те, кто трудился подневольно, внесли весомый, но ни в коей мере не решающий.

Рост военного производства был бы невозможен без трудового героизма всех советских людей. Работая в невероятно тяжёлых условиях, не жалея своих сил и здоровья, они проявляли невиданную стойкость и упорство в выполнении заданий. До сих

пор ни историки, ни психологи не могут объяснить невероятный факт: в годы войны производственные нормы, считавшиеся в довоенное время стахановскими, в массовом порядке перевыполнялись женщинами и подростками в 2,5 раза, а то и в 10 раз!

Огромное значение для Победы имел подвиг советских колхозников и работников совхозов. Деревня отдала фронту лучших людей: количество мужчин, занятых в сельском хозяйстве, к 1942 г. сократилось на 60 %. Для нужд фронта была мобилизована большая часть колхозных автомобилей, тракторов, лошадей. Поставки в колхозы техники и удобрений прекратились полностью. 80 % всех сельхозработ приходилось выполнять вручную. В 1942 г. ко всем бедам добавился неурожай. Сбор зерновых культур сократился по сравнению с 1940 г. вдвое. Удалось собрать всего 25 млн т зерна. Вдвое упало поголовье крупного рогатого скота. Но, несмотря на это, деревня сумела снабдить армию и промышленность продовольствием и сырьём. Массового голода не было. Всю тяжесть войны вынесли на себе деревенские женщины. «Я и лошадь, я и бык, я и баба и мужик», — говорили они про себя. В военную пору абсолютное большинство председателей колхозов и совхозов, агрономов, механизаторов составляли женщины.

Экономический перелом в войне. Оружие Победы

Трудовой героизм народа и гигантские возможности государственной системы уже в 1942 г. принесли свои плоды. Ещё до победы под Сталинградом СССР устроил своим противникам «экономический Сталинград». При значительно меньшем объёме производства металла, топлива, электроэнергии и прочих ресурсов СССР превзошёл Германию по выпуску вооружения и военной техники. В 1942 г. СССР произвёл больше, чем Германия: самолётов в 1,9 раза; танков в 3,9 раза; орудий в 3 раза; миномётов в 23,5(!) раза; винтовок и пулемётов в 3 раза; пистолетов-пулемётов в 6,5 раза. До конца войны советская промышленность неизменно превосходила немецкую как по количеству, так и по качеству произведённых вооружений. И это несмотря на то, что Германия к 1944 г. увеличила выпуск вооружений в 5 раз по сравнению с 1941 г.

Производство военной техники в СССР и Германии в 1941—1945 гг., тыс. штук

Военная техника и вооружение	СССР	Германия	Соотношение
Танки и САУ	102,8	46,3	2,2:1
Боевые самолёты	112,1	89,5	1,25:1
Орудия	482,2	319,9	1,5:1
Миномёты	351,8	78,8	4,4:1
Пистолеты-пулемёты	6173,9	1256,8	5:1

Ещё к началу 1941 г. в Советском Союзе в результате колоссальных усилий учёных и конструкторов были созданы и в основном подготовлены к запуску в массовое производство новейшие образцы вооружений и техники, превосходившие по многим параметрам основные образцы вооружений вермахта. Уже в 1942 г. многие предприятия на востоке страны наладили массовый выпуск нового оружия, а конструкторы работали над его совершенствованием в соответствии с запросами фронта.

Авиаконструкторы В. М. Петляков и А. Н. Туполев создали скоростные фронтовые бомбардировщики Пе-2 и Ту-2. Последний самолёт мог летать на боевые задания без сопровождения истребителей, настолько высока была его скорость и настолько мощным — оборонительное вооружение. С. В. Ильюшин сконструировал уникальный бронированный штурмовик Ил-2. Равного ему не смогла создать тогда ни одна страна мира. Этот самолёт стал самой массовой боевой машиной советской авиации: за годы войны с конвейеров заводов сошло более 38 тыс. ильюшинских штурмовиков.

Не отставало и советское танкостроение. Средний танк Т-34 конструкции М. И. Кошкина и А. А. Морозова по сумме своих боевых качеств и по уровню надёжности был единодушно признан лучшим танком Второй мировой войны.

Выдающийся вклад в разработку артиллерийского вооружения внёс В. Г. Грабин. Баллистические данные дивизионной пушки образца 1936 г. были настолько высокими, что все захваченные вермахтом пушки этой модели до самого конца войны использовались как противотанковые. Эта модификация грабинских орудий стала лучшей немецкой(!) противотанковой пушкой, получив у советских танкистов прозвище «Гадюка». Дивизионная пушка ЗИС-3 (1942) была признана германскими военными специалистами «лучшей конструкцией в истории ствольной артиллерии». Под руководством Грабина был разработан и внедрён метод ускоренного производства артиллерийских систем, основанный на унификации и сокращении количества деталей и узлов, совмещении проектирования и разработки технологического процесса производства и испытаний, а также модернизации станочного оборудования и технологии производства. Внедрение этого метода позволило сократить сроки проектирования, производства и испытаний орудий с 30 (1939) до 2—2,5 месяца (1943), увеличить их выпуск, уменьшить стоимость, упростить эксплуатацию.

Экономическая победа Советского Союза над гитлеровской Германией, достигнутая в труднейших условиях, при неравенстве стартовых возможностей, по праву может считаться одним из величайших событий мировой истории.

● ● ● *Ленд-лиз — мнимая и реальная роль*

С 29 сентября по 1 октября 1941 г. в Москве состоялось совещание представителей СССР, США и Великобритании, на котором был выработан план англо-американских поставок в СССР вооружения, оборудования и продовольствия. США и Англия обязыва-

лись ежемесячно с октября 1941 г. по июнь 1942 г. поставлять в СССР 400 самолётов, 500 танков, 200 противотанковых ружей, материалы военного назначения. Со своей стороны СССР принял обязательство снабжать США и Англию стратегическим сырьём. Советскому Союзу предоставлялся беспроцентный кредит в 1 млрд долларов. 7 ноября 1941 г. президент США Ф. Рузвельт принял решение о поставках Советскому Союзу военных материалов по ленд-лизу. Материалы, поставленные по ленд-лизу и уничтоженные, утраченные или потреблённые во время войны, не подлежали после её окончания оплате. Оставшиеся оплачивались полностью или частично, могли быть затребованы обратно.

В некоторых исследованиях 1990-х гг. подчёркивалась решающая роль ленд-лиза для советской военной экономики. В качестве аргументов приводились соответствующие случаю цитаты из мемуаров Г. К. Жукова, А. И. Микояна и др., а также некоторые данные о производстве промышленной и сельскохозяйственной продукции в СССР. Данные свидетельствовали о том, что союзники нам поставили больше, чем мы произвели сами. Соответственно некоторые авторы поспешили сделать выводы о неэффективности советской экономики, выжившей только благодаря американским автомобилям, нефти, алюминию и т. д. Поставки по ленд-лизу действительно были велики, но насколько важное и тем более решающее значение имели они для СССР?

Начнём с того, что выполнение обязательств по протоколу Московской конференции западными странами было нечётким: в самый трудный период (осень 1941 — начало лета 1942 г.) поставки оружия и боевой техники были ниже запланированных. Великобритания в октябре—декабре 1941 г. поставила 48,7 % обещанных танков, 55 % танкеток, 83,6 % самолётов. США с октября 1941 г. по конец июня 1942 г. свои обязательства по поставкам бомбардировщиков выполнили на 29,7 %, истребителей — на 30 %, средних танков — на 32,3 %, лёгких танков — на 37,3 %, грузовиков — на 19,4 %. Прагматичные американцы и англичане, прежде чем вкладывать деньги в поддержку Советского Союза, хотели убедиться в его способности противостоять Германии. Обвинять их за это не стоит, подчеркнём лишь, что в самый тяжёлый период войны мы обходились преимущественно собственными средствами.

Теперь перейдём к более подробному рассмотрению того, что и в каком количестве нам поставили. Начать, естественно, стоит с поставок средств вооружённой борьбы.

По ленд-лизу в СССР было поставлено 12 199 танков. В том числе из США в войска было отправлено 7164 танка: лёгких М3А1 «Стюарт» — 1676 шт., средних М3 «Грант» — 1386 шт., средних М4А2 «Шерман» разных модификаций — 4102 шт. Из Англии: пехотных — 3312, тяжёлых «Черчилль» — 301 шт. Из Канады: «Валентайн» — 1388 шт. Всего за годы войны на советско-германский фронт было поставлено 86,1 тыс. танков. Таким образом, ленд-лизские танки составили 12,3 % от общего количества произведённых в СССР танков. В СССР было поставлено и 1807 единиц САУ разных типов. С учётом того, что за

войну в СССР было произведено и получено 23,1 тыс. САУ, доля ленд-лизовой техники данной категории составила 7,8 %.

Гораздо большее значение имели поставки бронетранспортёров, которые в СССР не производились. Всего было поставлено 7185 единиц, в том числе 2560 британских «Универсал» и 4625 американских машин. Качество поставлявшейся союзниками бронетехники не раз становилось объектом критики советской стороны. Действительно, большинство поставленных танков и САУ не слишком соответствовали условиям боёв на советско-германском фронте. Они были уязвимее и сильнее зависели от снабжения и качественного техобслуживания, чем их советские и немецкие «коллеги». Наиболее совершенные модификации (к примеру, «Шерман» М4А3Е8 и «Шерман Файрфлай») в СССР не поставлялись. Самолётов всех типов по ленд-лизу мы получили за годы войны 18 297, в том числе из Англии было поставлено 4171 «Спитфайеров» и «Харрикейнов», остальные машины имели американское «подданство». Всего советские войска за войну получили 142 тыс. самолётов. Таким образом, доля иностранной техники составила чуть менее 13 %. При этом интересный факт: из Великобритании за всю войну не поставлено *ни одного* нового самолёта. В СССР направлялись только машины, вышедшие из ремонта и заменённые в частях Королевских ВВС новой техникой. Думается, поставки самолётов second hand несколько не увеличивали доверия советской стороны к своим партнёрам.

По ленд-лизу было поставлено 8 тыс. зенитных и 5 тыс. противотанковых орудий. Если брать все советские орудия и миномёты в целом (поступления за войну — 526,2 тыс.), то доля иностранных орудий составит лишь 2,7 %.

Самую большую благодарность заслужили союзнические поставки у советских моряков. В годы войны СССР практически не строил боевых кораблей и судов торгового флота. Передача союзниками 202 торпедных катеров, 28 сторожевых кораблей, 55 тральщиков, 138 охотников за подводными лодками, 49 десантных кораблей, 3 ледоколов, около 80 транспортных судов, около 30 буксиров в разы увеличила боевые возможности Северного и особенно Тихоокеанского флота.

Символом союзнической помощи стали в СССР «студебекеры», «доджи» и «виллисы». Всего по ленд-лизу было поставлено 480 тыс. автомобилей, в том числе около 430 тыс. грузовых и 50 тыс. джипов. При том, что общие поступления автомобилей на советско-германский фронт составили 744 тыс. единиц, доля ленд-лизовой техники в советском автопарке составила 64 %.

Большим подспорьем для фронта и тыла стали поставки преимущественно из США горючего. В период войны СССР получил 242 тыс. т автомобильного бензина (4 % от собственного производства) и 2320 тыс. т высокооктанового авиационного горючего, что составляет 40 % от советского производства авиатоплива.

Серьёзное значение имели союзнические поставки для советских железных дорог. Американцами было поставлено 622,1 тыс. т рельсов (36 % от общего их количества). В ходе войны было поставлено 1900 паровозов (72 % общей численности произведённых и поставленных в народное хозяйство локомотивов).

За годы войны по ленд-лизу было поставлено 318 тыс. т взрывчатых веществ (из них США — 295,6 тыс. т), что составляет 36,6 % от общего производства в СССР. Союзниками поставлено 86 030 т порохов всех типов. В СССР было произведено в 1941—1945 гг. 399 784 т. Доля союзнических поставок — 17 %. И здесь есть ещё одна маленькая деталь. СССР сам передал США технологию и документацию на оборудование для производства порохов, пригодных для советской артиллерии.

По ленд-лизу Советский Союз получил 328 тыс. т алюминия. Если же верить Б. В. Соколову, который оценил советское производство алюминия за время войны в 263 тыс. т, то доля ленд-лизовского алюминия от общего количества алюминия, произведённого и полученного СССР, составит 124 %. Меди в СССР было поставлено 387 тыс. т — 45 % от общего количества производства и поставок этого металла. По ленд-лизу наша страна получила 3606 тыс. т автопокрышек — 30 % от общего количества покрышек, произведённых и поставленных в СССР.

Из США в СССР в годы войны было поставлено 38,1 тыс. металлорежущих станков, из Великобритании — 6,5 тыс. станков и 104 прессы. За время войны в СССР было произведено 141 тыс. таких станков и кузнечных прессов. Таким образом, доля иностранных станков составила в отечественном хозяйстве 24 %.

В СССР также поступило 956,7 тыс. миль полевого телефонного кабеля, 35 800 радиостанций, 5899 приёмников и 348 локаторов, 15,5 млн пар армейских ботинок, 5 млн т продовольствия и пр.

Сторонники придания ленд-лизу решающего значения (тоже неутомимый Б. В. Соколов) любят приводить следующие данные. Обратите внимание, что сравнение идёт между поставками и текущим производством военных лет:

Материалы	Производство в СССР	Ленд-лиз	Ленд-лиз / производство в СССР, в %
Медь, тыс. т	534	404	76
Алюминий, тыс. т	283	301	106
Олово, тыс. т	13	29	223
Кобальт, т	340	470	138
Бензин, тыс. т	5500	1087	23
Автомобильные шины, млн шт.	3988	3659	92
Сахар, тыс. т	995	658	66
Мясные консервы, млн банок	432,5	2077	480

Эта таблица не вполне корректна из-за того, что СССР к началу войны располагал мощнейшим государственным материальным резервом. За время войны из госрезерва было отпущено для нужд армии и промышленности в частности: хлеба — около 20 млн т, разных продовольственных товаров — около 3 млн т, чёрных и цветных металлов — около 2 млн т, угля — 16 млн т, нефтепродуктов — около 9 млн т и т. д. Если учитывать роль госрезерва, то сравнивать надо поставки по ленд-лизу с поставками из внутренних источников. А здесь, как говорится, вырисовывается совсем другая картина.

Кстати, часто забывают, что значительная часть поступившего по ленд-лизу шла на пополнение того же госрезерва. Ниже следующая таблица наглядно это показывает.

Изменение объёмов запасов стратегических резервов в СССР по отношению к их наличию на 1 января 1941 г. (%)

Вид резерва	1942	1943	1944	1945
Мясные консервы	108	94,5	117	141
Медь	30,2	19,9	53,3	60,3
Цинк	82	67,2	216	226
Олово	113	300	383	468
Никель	200	300	533	467
Алюминий	29,7	13,5	67,6	262
Бензин	250	110	52,4	118

Говоря о роли ленд-лиза в Победе СССР, не стоит забывать и ещё о двух моментах. Во-первых, подавляющее большинство техники, оборудования и материалов было поставлено в СССР в 1943—1945 гг., т. е. уже после перелома в ходе войны. Показательный пример — автомобили: их на 30 апреля 1944 г. было поставлено всего 215 тыс. шт. Таким образом, больше половины ленд-лизовских машин было поставлено в СССР в последний год войны. Кроме того, в рамках так называемого «обратного ленд-лиза» Вашингтон получил необходимое ему сырьё общей стоимостью почти в 20 % от переданных материалов и вооружений. В частности, из СССР в США было отправлено 32 тыс. т марганцевой и 300 тыс. т хромовой руды, значение которых в военной промышленности чрезвычайно велико. Советские поставки составили треть от общего ввоза в США хромовой руды.

Каковы же итоги? Даже по самым дефицитным статьям поставок доля ленд-лизовской продукции в общем объёме производства и поставок в СССР не превышает 28 %. В целом же доля ленд-лизовской продукции в общем объёме произведённых и по-

ставленных в СССР материалов, оборудования, продовольствия, техники, сырья и пр. не превышает 4 %. Таким образом, можно с определённой долей уверенности заявлять, что ленд-лиз не оказал решающего воздействия на возможности СССР по ведению войны. Стало бы критичным отсутствие поставок этих материалов? Нет. Мог ли СССР обойтись без ленд-лиза? Да, мог. Но неизбежным следствием отсутствия ленд-лиза стало бы затягивание войны как минимум на год и ещё сотни тысяч жертв. Поставки по ленд-лизу позволили высвободить для участия в боевых действиях ориентировочно от 580 до 690 тыс. человек, что достаточно для полного укомплектования 40—46 стрелковых дивизий или 10 общевойсковых армий.

Иными словами, ленд-лиз хоть и не оказал решающего влияния на исход войны на Восточном фронте, но спас сотни тысяч жизней советских граждан. И уже за одно это мы должны быть благодарны своим союзникам.

● ● ● *Какой фронт был самым важным*

Сегодня однозначный ответ на этот вопрос от российской молодёжи получить непросто. В 1990-е и 2000-е гг. в книжных магазинах задавали тон издания, так или иначе популяризовавшие вклад в победу над нацизмом западных государств. В то время вышло на русском языке полное издание мемуаров У. Черчилля «Вторая мировая война», с которыми отечественный читатель прежде был знаком по сокращённому трёхтомному варианту, изданы трёхтомные мемуары Ш. де Голля (в СССР были изданы два первых тома). В дополнение к переизданиям воспоминаний генералов Д. Эйзенхауэра, О. Брэдли, М. Риджуэя появились воспоминания генерала Дж. Патона и фельдмаршала Б. Монтгомери. Не остались в тени и наши противники: переизданы все известные мемуары гитлеровских генералов, к ним добавлены книги фельдмаршала Р. Кессельринга, гросс-адмирала Э. Редера, министра вооружений Рейха А. Шпеера, начальника германской политической разведки В. Шелленберга и многих других. На прилавках книжных магазинов появились целые серии книг о Битве за Средиземное море, Битве за Англию, Битве за Атлантику, об Африканской кампании и войне на Тихом океане.

В самом появлении интересной военно-исторической и мемуарной литературы нет ничего предосудительного. Огорчает лишь то, что одновременно появились издания, в которых события на советско-германском фронте подавались либо через призму мнений проигравших ту войну «сверхчеловеков», либо под углом выискивания «белых пятен», «забытых трагедий» и т. п. За примерами далеко ходить не надо: «Ржев — краеугольный камень Восточного фронта», «Пожарник» Гитлера. Фельдмаршал Модель, «Танковый погром», «Битва за Ленинград: крупные операции», «белые пятна», «потери», «Крупнейшее поражение Жукова» и т. д. В результате может сложиться превратное впечатление, что героические западные союзники в тяжелейших боях одолели непобедимый вермахт, который ещё и походя занимался истреблением неисчислимых орд монголо-большевистских недочеловеков,

закрывая собой нежно-трепетную западную цивилизацию. Каков же был реальный вклад сторон в достижение общей победы?

Сразу оговоримся. Не может быть подвергнут ни малейшему сомнению тот факт, что в разгром агрессоров на море решающий и определяющий вклад внесли флоты Великобритании и США. Они переломили хребет «волчьим стаям» гросс-адмирала К. Денница в Битве за Атлантику. Они очистили Средиземное море от итальянского Королевского флота, заставив его трусливо отсиживаться на базах до конца войны. Они уничтожили как организованную вооружённую силу японский Императорский флот. Примером выдающегося успеха, прежде всего британского Королевского флота, является организация доставки в СССР грузов по ленд-лизу Северным, арктическим маршрутом. С августа 1941 по май 1945 г. полярными трассами было проведено 78 конвоев, в которых прошли свыше 1400 грузовых судов. Потери составили 85 транспортов, или около 7 %.

Совсем другое впечатление складывается при изучении военных действий на сухопутных фронтах. После захвата германскими войсками острова Крит и окончания Балканской кампании вермахта 1 июня 1941 г. на европейском театре военных действий не осталось ни единой точки соприкосновения вермахта с сухопутными войсками противника. Единственным соединением сухопутных войск Рейха, ведущим непосредственные боевые действия, являлся Африканский корпус генерал-лейтенанта Э. Роммеля, состоявший из 2 дивизий и частей усиления. А вот против СССР к 22 июня 1941 г. сосредоточились 183 дивизии и 13 бригад Германии и её союзников. Комментарии излишни.

С 22 июня 1941 г. по 19 августа 1942 г. ни одно подразделение британской или американской армии не ступало с оружием в руках на землю континентальной Европы. И лишь в Северной Африке сухопутные силы Британской империи противостояли немецкому Африканскому корпусу, развёрнутому в сентябре 1941 г. в Танковую группу «Африка», а с 30 января 1942 г. — в танковую армию, поддерживаемую итальянскими войсками. Сами гитлеровцы фронт в Северной Африке считали откровенно «захолустным», и на пике успехов Э. Роммеля летом 1942 г. в его распоряжении было только 4 немецких дивизии. В Берлине прекрасно понимали, что их главный противник — Советский Союз, после разгрома которого Великобритания, несмотря на возможные успехи в Африке, встанет на колени.

Для примера рассмотрим первую победу британских войск над вермахтом во Второй мировой войне — операцию «Крестносец». По иронии судьбы она проходила в те же дни, что и Битва за Москву на советско-германском фронте, с 18 ноября по 30 декабря 1941 г. В сражении принимали участие доселе невиданные силы: 118 тыс. англичан, канадцев, австралийцев, южноафриканцев и поляков (6 дивизий и бригада) при поддержке 738 танков и 724 боевых самолётов вступили на бой против 119 тыс. немцев и итальянцев (3 немецкие и 6 итальянских дивизий) с их 400 танками и 750 самолётами. За полтора месяца ожесточённых боёв и ловких манёвров на поле боя англичане лишились 17 700 человек убитыми и ранеными, Роммель поте-

рял убитыми и ранеными 38 300 солдат. Стороны потеряли соответственно 278 и 300 танков, а также 300 и 600 самолётов. В итоге, по меткому выражению британских историков, был развеян миф о непобедимости Роммеля.

А вот на советско-германском фронте события имели другой масштаб. Рассмотрим только несколько операций на ключевом в 1941 г. московском направлении.

Первым столкновением такого рода стало Смоленское сражение, длившееся с 10 июля по 10 сентября 1941 г. Здесь сошлись в ожесточённой схватке 1440 тыс. красноармейцев и 1045 тыс. солдат агрессора. С советской стороны войска располагали 8034 орудиями и 1375 танками против 12 600 орудий и 1390 танков у вермахта. В итоге, понеся гигантские потери в 486 тыс. человек только убитыми и пропавшими без вести, Красная Армия смогла «всею лишь» замедлить продвижение вермахта и вынудить его перейти к обороне.

Смоленское сражение стало прелюдией к великой Битве за Москву. Напомним, что это сражение развернулось на центральном участке советско-германского фронта, следовательно, ни одна из сторон не ввела в него большинство сил, которыми располагала. И тем не менее по состоянию на день начала операции «Тайфун» вермахт бросил в бой 1800 тыс. солдат и офицеров, 14 тыс. орудий и миномётов, 1700 танков, 1390 самолётов. В частях Красной Армии (Западный, Резервный, Брянский фронты) насчитывалось 1250 тыс. бойцов и командиров, 10 309 орудий и миномётов, 1044 танка и 545 самолётов. Более 3 млн человек сошлись в смертельной схватке только в одной(!) операции. Стоит сравнивать с гонками по пустыне 237 тыс. человек?

Ещё более показательное распределение вооружённых сил Третьего рейха по театрам на 1 декабря 1941 г. На советско-германском фронте было сосредоточено 9 из 17 имевшихся в вермахте армий, все 4 танковые группы (армии), 3 из 5 воздушных флотов, 70 % всех дивизий вермахта и... 76 % всех германских военнослужащих! Это ещё без учёта более чем 30 дивизий сателлитов... Тем не менее в результате Московской битвы, по необоснованным и голословным (по мнению некоторых современных авторов) утверждениям советской пропаганды, был развеян миф о непобедимости германской армии. Гитлер, правда, почему-то счёл возможным согласиться со сталинскими пропагандистами. По итогам зимней кампании лишились своих постов 35 командиров армейских корпусов и дивизий, двое командующих группами армий и даже главнокомандующий сухопутных войск вермахта генерал-фельдмаршал В. фон Браухич.

Следует сказать, что руководители англосаксонской коалиции прекрасно отдавали себе отчёт, где на самом деле решается судьба войны. И им ужасно не хотелось даже в малой степени испытать то, что испытывала наша страна.

Из меморандума премьера У. Черчилля. 16 декабря 1941 г.

В настоящий момент фактом первостепенной важности в ходе войны являются провал планов Гитлера и его потери в России. Вмес-

то предполагавшейся лёгкой и быстрой победы ему предстоит... выдерживать кровопролитные бои. Ни Великобритания, ни Соединённые Штаты не должны принимать никакого участия в этих событиях, за исключением того, что мы обязаны с пунктуальной точностью обеспечить все поставки, которые мы обещали.

С точкой зрения Черчилля были согласны и американцы. 1 апреля 1942 г. Ф. Рузвельт одобрил доклад начальника штаба армии США Дж. Маршалла, в котором высадка войск в Европе ставилась в зависимость от двух условий: «1) Если положение на русском фронте станет отчаянным... 2) Если положение немцев станет критическим...» Иными словами, если одна из сторон будет явно побеждать, дело пойдёт к концу войны и приблизится момент дележа трофеев.

В наступающем же 1942 г., по мнению Черчилля, боевые действия союзников должны были ограничиться тем, чтобы осуществить «оккупацию Великобританией и Соединёнными Штатами всех французских владений в Северной Африке для установления их контроля... над всем Североафриканским побережьем от Туниса до Египта, что обеспечит... свободный проход через Средиземное море к Ливану и Суэцкому каналу», т. е. целью англо-американцев провозглашалось не участие в войне против Германии, а захват французских колоний и обеспечение связи с британскими колониями в восточной части Африки и в Азии.

Немцы прекрасно отдавали себе отчёт в том, какова суть политики западных союзников СССР. Так, подводя итоги совещания в ставке А. Гитлера в Полтаве 3 июля 1942 г., Ф. Гальдер писал: «Вашингтон лишь утешает и заверяет. Никакого действительного Второго фронта... Отвлекающий манёвр на западе? Сомнительно; очевидно, никаких серьёзных обещаний России не дадут. Скорее предупредят о необходимости сражаться дальше». Единственное, на что хватило союзников в Европе в 1942 г., — диверсионный рейд на французский портовый город Дьепп 19 августа 1942 г. Семь британских и канадских полков (в том числе 1 танковый) и батальон командос, в общей сложности 6500 человек, не смогли преодолеть сопротивление сборных немецких сил общей численностью 1500 человек. Через 10 часов высадка закончилась бегством уцелевших судов. Погибли или были пленены свыше 4000 участников рейда и поддерживающих его сил. Немцы потеряли 311 человек убитыми.

Дьеппский провал произошёл в то время, когда на южном крыле советско-германского фронта разворачивались сразу два грандиозных сражения: Сталинградская битва и битва за Кавказ. Думается, что реальное значение этих событий для судьбы гитлеровского Рейха становится ясным, если рассмотреть соотношение сил на фронтах. По состоянию на 15 ноября 1942 г. против «мирового большевизма» сражались: 9 из 13 армий вермахта (69 %); 4 из 5 танковых армий (80 %); 193 из 269 наличных дивизий (72 %), 5 млн из 6,8 млн солдат и офицеров (73 %). Добавим к этому 60 % танков и штурмовых орудий, 82 % (!) артиллерии и 60 % самолётов люфтваффе. И не забудем, что в этой арифметике нет места для 3 румынских, 2 финских, одной венгерской и одной итальянской армий.

В западной и части современной российской литературы пытаются уравнивать разгром немцев под Сталинградом с поражением Э. Роммеля в так называемой «второй битве при Эль-Аламейне» (23 октября — 4 ноября 1942 г.). Между тем то, что эти события несопоставимы, видно даже, как говорится, невооружённым глазом.

Итак, давайте сосчитаем силы сторон в величайшем сражении Африканской кампании:

Итало-немецкие войска	Британские войска
115 000 солдат и офицеров	220 000 солдат и офицеров
559 танков	1100 танков
192 автомашины	435 автомашин
900 самолётов	750 самолётов
552 орудия	908 орудий
1063 противотанковых ружья	1451 противотанковое ружьё

Интересно, на советско-германском фронте кому-нибудь приходило в голову учитывать противотанковые ружья как фактор стратегического значения? В битве под Сталинградом более чем миллионное войско Германии и её союзников действовало на фронте длиной около 400 км, а в сражении при Эль-Аламейне 80 тыс. находившихся в первой линии, преимущественно итальянцев, обороняли фронт протяженностью 60 км.

Теперь о потерях под Эль-Аламейном:

Итало-немецкие войска	Британские войска
30 542 убитыми и ранеными	13 560 убитыми и ранеными
232 танка	332 танка
254 орудия	111 орудий
84 самолёта	97 самолётов

В Сталинградской битве советские войска потеряли убитыми и ранеными 1 129 619 человек, вермахт — 841 тыс. человек минимум. Только пленных советские войска взяли 237 775 человек. А также: 5762 орудия, 1312 миномётов, 12 701 пулемёт, 156 987 винтовок, 10 722 автомата, 744 самолёта, 1666 танков, 261 бронемашину, 80 438 автомашин, 10 679 мотоциклов, 240 тракторов, 571 тягач, 3 бронепоезда... Мы только танков захватили столько же, сколько было при Эль-Аламейне с обеих сторон! В битве на Волге была разгромлена 1/6 часть (16,3 %) всех вооружённых сил противника, а при Эль-Аламейне около 1 %. Да что там Эль-Аламейн! В ходе всей Африканской кампании Второй мировой войны, которая длилась с 10 июня 1940 г. по 13 мая 1943 г., войска союзников потеряли убитыми и ранеными 238 558 человек. Немцы, итальянцы и французы из числа сил

петэновского режима потеряли убитыми и ранеными примерно 950 тыс. человек. Все потери на целом театре военных действий почти за три года были меньше, чем потери сторон в одном(!) сражении на одном участке(!) советско-германского фронта. Неужели ещё что-то нужно доказывать?

Однако африканскую «муху» до сих пор уподобляют сталинградскому «слону», поскольку никакой реальной поддержки Красной Армии на полях сражений англичане в 1942 г. не оказали.

Если в военных событиях 1942 г. Эль-Аламейн сравнивают со Сталинградом, то применительно к 1943 г. начавшееся 10 июля вторжение англо-американских войск на Сицилию уподобляют грандиозной битве на Курской дуге.

Между тем высадка на Сицилии была весьма специфической операцией. Возглавлявший вторжение на этот остров американский генерал Д. Эйзенхауэр считал её главной целью опять-таки «очищение средиземноморского пути», а не ведение войны на истощение с Германией и её союзниками. Именно поэтому после занятия летом—осенью 1943 г. Сицилии и южной части Италии (включая Неаполь), т. е. менее трети территории страны, наступление союзников остановилось всего в 100 км от Рима. Наступление в Италии возобновилось лишь в июне 1944 г., а на территорию севернее Флоренции (Генуя, Болонья, Турин, Милан, Венеция) союзники вообще вошли только в апреле 1945 г. Такой странный ход кампании объяснялся тем, что после падения Неаполя немцы перебросили в Италию свои войска, и англо-американцы должны были сражаться уже не с быстро капитулировавшими итальянцами, а с закалёнными в боях частями германского вермахта. Однако этой вдохновляющей перспективы союзники Советского Союза на протяжении всей войны старались любыми путями избегать. Только после победы Красной Армии в грандиозной Курской битве (5 июля — 5 августа 1943 г.) союзники стали думать о реальном открытии Второго фронта в Западной Европе. Они опасались, что теперь Советский Союз сможет и самостоятельно разгромить Германию и установит контроль над всей Европой. В августе 1943 г. на конференции в Квебеке лидеры США и Англии договорились 1 мая 1944 г. начать операцию по форсированию Ла-Манша. Однако окончательное решение по этому вопросу они приняли только в марте 1944 г. Это произошло после того, как советские войска приблизились к государственной границе (на южном участке фронта это произошло 26 марта 1944 г.). Черчилль вспоминал: «Лишь в марте [1944 г.] Эйзенхауэр... вынес окончательное решение» о высадке десанта в северной Франции, а «к апрелю наши планы стали принимать окончательную форму». Союзники явно заторопились. В начале июня они возобновили наступление в Италии (4 июня 1944 г. был взят Рим). 6 июня 1944 г. англо-американский десант высадился в Нормандии. Каково было соотношение сил?

На Британских островах была сосредоточена англо-американская экспедиционная армия численностью в 2876 тыс. человек, на вооружении которой имелось 13,2 тыс. самолётов, свыше 6 тыс. танков и САУ, 15 тыс. орудий и миномётов. Против них

во Франции стояла группа армий «В» из 39 дивизий, имевшая 528 тыс. солдат, 2 тыс. танков и САУ, 6700 орудий и миномётов и всего 160 самолётов. Немцы располагали резервами ещё примерно в миллион человек.

Сейчас об этом не слишком часто вспоминают, но по состоянию на 1 июня 1944 г. (накануне дня «Д») советско-германский фронт оттягивал на себя 63 % солдат вермахта (4,2 из 6,68 млн) — в процентном отношении столько же, сколько было сосредоточено для участия в операции «Барбаросса», а также 54 % немецких танков, 71 % артиллерии, 56 % самолётов (как обычно, подсчёты даны без учёта финских, румынских и венгерских частей). А через две с небольшим недели советские войска начали стратегическую операцию «Багратион», в ходе которой, наступая на фронте шириной в 1100 км, за 68 дней продвинулись на 600 км, полностью уничтожили 17 и разгромили 50 дивизий противника. Всего же в течение летне-осенней кампании 1944 г. Красная Армия уничтожила полностью 94 дивизии вермахта и его союзников и разбила 314 дивизий, что в 1,5 раза превышало состав войск Германии и её сателлитов к началу кампании.

В кампании 1945 г. советские фронты продвинулись на запад ещё на 700 км, полностью уничтожили 98 и пленили 56 дивизий противника (считаются лишь пленённые до 9 мая 1945 г.). При этом по состоянию на 1 января 1945 г. вермахт выставил против Красной Армии 52 % всего наличного состава, 57 % своих дивизий, 71 % бригад, 68 % артиллерии, 63 % танков и штурмовых орудий, 48 % самолётов.

Цена Победы, или Ещё раз о потерях

Непременными для всех, кто стремится принизить значение Победы в нашей истории, сделать её исключительно предметом скорби и столь иезуитским способом внедрить в массовое сознание мысли о её ненужности, были и остаются беспардонные рассуждения по поводу потерь, понесённых Красной Армией в Великую Отечественную войну.

Тон в этом смысле задал в своё время А. И. Солженицын. Ещё в далёком 1976 г. он дал испанскому телевидению интервью, где имелось следующее высказывание: «Профессор Курганов приводит другую цифру: сколько мы потеряли во Второй мировой войне. Этой цифры тоже нельзя представить. Эта война велась, не считаясь с дивизиями, с корпусами, с миллионами людей. По его подсчётам, мы потеряли во Второй мировой войне от пренебрежительного и неряшливого её ведения 44 миллиона человек!»

Данное интервью было опубликовано у нас «Комсомольской правдой» 4 июня 1991 г. и с тех пор стало путеводной звездой для всех «разоблачителей преступлений сталинского тоталитаризма». Так, И. В. Бестужев-Лада в своём труде «Россия накануне XXI века, 1904—2004. От колосса к коллапсу и обратно»

(1997) писал: «Советские солдаты буквально своими телами загрозили Москву, а затем выстлали дорогу до Берлина: девять падали мёртвыми, но десятый убивал-таки вражеского солдата».

Историк-литературовед и общественный деятель М. О. Чудакова в своём выступлении на страницах «Московских новостей» от 29 апреля 2005 г. прямо заявляла: «Советская сталинская система требовала не жалеть солдат — недаром до сих пор историки спорят, 7—8 или 11—12 наших убитых приходится на одного убитого в армии противника».

Не собирается складывать своё оружие и доктор филологических наук, кандидат исторических наук, неперменный член Ассоциации исследователей российского общества Б. В. Соколов, пожалуй, самый непримиримый борец с «преуменьшением» советских жертв в той войне. В своей книге «Тайны Второй мировой», вышедшей в 2000 г., он утверждал, что соотношение потерь Красной Армии и вермахта на Восточном фронте, включая умерших в плену, 10:1. В «Новой газете» 28 марта 2005 г. он писал: «Подсчёты тремя альтернативными методами дали оценки потери Красной Армии погибшими, превышающие 20 млн человек. Наиболее близкой к истине мне кажется оценка в 26,3—26,9 млн человек, с той оговоркой, что её точность всё равно невелика, плюс-минус 5 млн, однако методов повысить точность оценок советских безвозвратных потерь в Великой Отечественной войне я пока не знаю. Общие же потери СССР в Великой Отечественной войне я оцениваю в 43,3 млн человек, из которых 16,4—17,0 млн человек падают на мирное население». Что же до потерь наших противников, то Б. В. Соколову «наиболее близкой к истине представляется оценка общих потерь вермахта погибшими в 4 млн человек, сделанная после войны генералом Буркхардтом Мюллером-Гиллебрандтом, который в вермахте как раз и занимался учётом личного состава. Из этого числа на Восточном фронте, вместе с умершими в плену, погибло около 2,8 млн человек».

Примерно те же цифровые данные повторены Соколовым в статье «Как подсчитать потери во Второй мировой войне», опубликованной в журнале «Континент» в 2006 г. По его данным, общая величина советских потерь оказывается большей, чем суммарные потери всех других государств, участвовавших во Второй мировой войне: «Потери советских вооружённых сил можно оценить в 26,3—26,9 млн человек. Общие же потери — и военного, и гражданского населения СССР — я оцениваю в 43,3 млн человек... потери мирного населения можно оценить в 16,4—16,9 млн человек». Отсюда автором был сделан весьма характерный вывод: «Все эти цифры хорошо демонстрируют, что Россия оставалась страной азиатской как в том плане, что во время войны власть не имела возможности, да и особого желания заботиться о выживании мирного населения, так и в том, что победу могла одерживать только наша неся потери, на порядок превосходящие потери противника».

Помимо несколько странноватого для приверженцев гражданского общества и демократических ценностей оттенка расизма (если не нацистских теорий расовой неполноценности), глав-

ное в подобных оценках — стремление любой ценой доказать неполноту, неверность и неправоту имеющихся в распоряжении историков документальных данных о потерях советского народа и его вооружённых сил. Цель очевидна: раз неверны источники, неверна и вся созданная на их основе история, в которой не может быть места подвигу и героизму: армия рабов, миллионами ведомых на убой, не может быть проникнута высокими мотивами...

Стоит более внимательно присмотреться, что же не устраивает «обличителей тоталитаризма» в известных ныне данных о людских потерях Советского Союза. На сегодняшний момент эти данные обобщены в двух историко-статистических исследованиях, выполненных авторским коллективом военных историков под эгидой Министерства обороны России. В 1993 г. вышла в свет книга «Гриф секретности снят: Потери Вооружённых сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах». Авторский коллектив во главе с генерал-полковником Г. Ф. Кривошеевым в течение нескольких лет провёл комплексное статистическое исследование архивных документов и других материалов, содержащих сведения о людских потерях. Выяснилось, что, вопреки расхожему мнению, потери советских и немецких войск примерно сопоставимы, а больший размер наших потерь в изрядной степени вызван сознательным уничтожением немцами наших пленных — смертность в германском плену была гораздо выше, чем в советском. Общая сумма безвозвратных потерь Вооружённых сил СССР в Великой Отечественной войне определена авторами в 8 668 400 человек. Разумеется, сами авторы не считают её совершенно точной и окончательной, но любые уточнения могут привести к корректировке названного числа примерно в пределах 500 тыс. человек. Это первая (и пока единственная) серьёзная работа, опирающаяся не на умозрительные подсчёты, а на архивные документы. В 2000 г. вышло переиздание данного труда под названием «Россия в войнах XX века».

Разумеется, ни Б. В. Соколова, ни М. О. Чудакову, ни других деятелей, желающих «уничтожить» как можно больше советских солдат хотя бы на бумаге, данные Министерства обороны не устроили и не устроят. Поэтому они продолжают оперировать иными цифрами и пытаются поставить под сомнение достоверность как исходного материала, так и методик подсчёта, использованных в официальных изданиях. При этом сами отнюдь не всегда заботятся о научности собственных выкладок.

Наиболее полный критический разбор статистических штудий Б. В. Соколова провёл в своих статьях военный историк В. А. Литвиненко. Считаю полезным ознакомить читателей с основными положениями его разбора.

Людские потери Красной Армии определены Б. В. Соколовым суммированием боевых потерь советских войск (22,4 млн человек) с умершими в плену (4 млн). Боевые потери Красной Армии вычислены довольно оригинальным образом. Сначала рассчитано количество убитых, умерших от ран, болезней и несчастных случаев советских воинов на 1 % поражённых в боях (Б. В. Соколов насчитал, что среднemesячное число погибших

советских солдат составляло 500 тыс.), а затем последняя цифра просто умножена на все 46 военных месяцев! Учтя некоторое количество окруженцев, вернувшихся в строй, сделав скидку на небоевые потери в тыловых округах, «ниспровергатель» и получил суммарные боевые потери Красной Армии в войне в 22,4 млн человек. Таким образом, отступление 1941 г. запросто суммируется Соколовым с победными операциями 1944—1945 гг. Соотношение потерь советских и немецких войск 10:1 Соколов также получил простым делением выведенной им суммы советских потерь (26,4 млн человек) на число убитых немецких военнослужащих (2,6 млн), определённое по материалам книги Б. Мюллер-Гиллебрандта «Сухопутная армия Германии 1933—1945 гг.», которой, заметим, он абсолютно доверяет!

В качестве исходных данных для исчисления количества убитых, умерших от ран, болезней и несчастных случаев советских воинов на 1 % поражённых в боях Соколов принимает цифры безвозвратных потерь советских войск в ноябре 1942 г. (413 тыс. человек), приведённые в статье Д. А. Волкогорова «Мы победили вопреки бесчеловечной системе» («Известия» от 8 мая 1993 г.). Но ссылка на газетную статью как на источник статистических данных вообще выглядит весьма странно. В книге «Гриф секретности снят...» приведены совсем другие показатели потерь наших войск в четвёртом квартале 1942 г. — 515 508 (по Волкогову, потери РККА за тот же период — 1 549 591 человек). Для четвёртого квартала 1942 г., по которому произведены расчёты Соколова, эти цифры меньше в три раза, чем у Волкогорова.

В подобных случаях любой мало-мальски грамотный исследователь расчёт проводит во всём диапазоне исходных данных (даже если какие-то ему не нравятся), а результаты затем уточняет дополнительными исследованиями. Если бы Соколов соблюдал элементарные правила исследовательской этики, то он был бы обязан привести цифры боевых потерь Красной Армии в диапазоне от 7,3 до 22,4 млн человек.

Количество убитых, умерших от ран, болезней и несчастных случаев на 1 % поражённых в боях (500 тыс. человек) Борис Соколов получил, разделив принятую цифру погибших советских воинов в ноябре 1942 г. (413 тыс.) на уровень поражённых в боях в том же месяце (83 %). Последняя цифра взята из графика, приведённого в книге Е. И. Смирнова «Война и военная медицина». Но там-то она характеризует лишь «боевые санитарные потери», т. е. только раненых и контуженных. Выходит, что Борис Соколов всерьёз считает постоянным соотношение между числом погибших и числом раненых советских солдат в течение всей войны. В действительности, по резонному замечанию В. А. Литвиненко, это соотношение никогда не бывает неизменным. В ходе Великой Отечественной войны оно менялось от 3:10 до 6:10.

Соотношение потерь (10:1) Соколов получил, сравнивая потери советских войск, рассчитанные им по своей методике, с уроном немецких войск, определённым другим способом, чего делать нельзя. Сравнение числовых данных корректно, только если они получены одним и тем же способом и при одних и тех же условиях и допущениях.

В реальности все имеющиеся в распоряжении исследователей данные о потерях Красной Армии и вермахта получены либо путём прямого статистического подсчёта, либо косвенно, путём оценок и экстраполяций.

Прямой статистический подсчёт потерь Советской Армии в Великой Отечественной войне по архивным документам частей и соединений, а также по сведениям военкоматов как раз и был опубликован группой военных историков под руководством Кривошеева в книге «Гриф секретности снят...». Разумеется, эту цифру Соколов считает сильно заниженной и для подтверждения своей правоты ссылается на банк компьютерных данных Музея Великой Отечественной войны на Поклонной горе, который к маю 1994 г. содержал 19 млн имён военнослужащих, погибших или пропавших без вести. Однако профессиональные историки знают, что первоначально в этот банк были перенесены сведения из множества различных списков погибших, что привело к многократному учёту одних и тех же людей. Вот почему сейчас на сайте музея в Интернете идёт речь о занесённых в память компьютера 19,5 млн всех погибших в 1941—1945 гг. наших соотечественников, а не только военнослужащих.

Что касается статистического подсчёта потерь немецких войск (2,6 млн человек), то тут Соколов всецело доверяет Мюллеру-Гиллебрандту и даже не делает попытки проверить его данные. Между тем в приложении к закону ФРГ «О сохранении мест захоронения» указано, что общее число немецких солдат, находящихся в зафиксированных могилах на территории Советского Союза и восточноевропейских стран, составляет 3 млн 226 тыс. человек. Это уже на 0,6 млн больше цифры Соколова. А если учесть, что в эти данные не включены захоронения немецких солдат, убитых на территории Германии и западноевропейских стран (примерно 1,5—2 млн человек), а также то, что до сих пор остаются тысячи безымянных могил и непогребённых останков павших немецких солдат, то реальные потери вермахта погибшими на советско-германском фронте были значительно (не менее чем в 2 раза) больше, чем 2,6 млн.

Кстати, Мюллер-Гиллебрандт в своей книге, скрепя сердце и скрипя зубами, вынужден признать разгром или полное уничтожение на советско-германском фронте 106 дивизий и двух корпусных групп только за период с февраля 1943 по начало 1945 г. Следовательно, за два года 108 соединений потеряли безвозвратно свыше 50 % личного состава либо были уничтожены совершенно, с потерей 100 % военнослужащих. Простой арифметический подсчёт показывает, что в этом случае сумма потерь уже приближается ко всем потерям, исчисленным Мюллером-Гиллебрандтом. А если добавить к ним дивизии, относительно которых имеются сведения о переформировании, учесть, что до Сталинграда германские генералы не признавали уничтожения ни одного своего соединения, что на самом деле явно имело место, а после Висло-Одерской операции полнота учёта резко снижается, становится совершенно очевидным: приведённая германским генералом цифра безвозвратных потерь должна быть увеличена. К сожалению, столь придирчивый к статисти-

ческим выкладкам российского министерства обороны Соколов почему-то оказывается крайне снисходительным к сведениям бывших нацистских генштабистов.

С использованием косвенных методов для проверки своих расчётов у Б. В. Соколова также вышел конфуз. Он постарался вывести общие цифры потерь РККА, исходя из данных о потерях офицерского состава. На основании боевых донесений 323-й стрелковой дивизии о боях за три дня(!) с 17 по 19 декабря 1941 г. он пришёл к глубокомысленному выводу о том, что доля командного состава в безвозвратных потерях составляла на протяжении всей войны неизменные 3,36 % (!!!), после чего опять же путём деления известных сведений о потерях офицеров (973 тыс.) на полученный столь безупречным способом процентный показатель получил общие безвозвратные потери Красной Армии в 28,9 млн человек. По удачному замечанию В. А. Литвиненко, «если следовать той же логике, то по выборке, содержащей факт (зафиксированный, кстати, немцами) уничтожения в бою одним красноармейцем Николаем Сиротининым... более 150 немецких солдат, можно сделать вывод о том, что людские потери вермахта в Великой Отечественной войне были в 150 раз больше потерь Красной Армии». Соколова и его последователей немало смущает и тот факт, что, по официальным данным, доля потерь офицерского состава Красной Армии составляет 8,6 % от общих, т. е. на каждые 100 погибших приходится 8—9 офицеров! Они считают такое соотношение совершенно «ненормальным». Ведь вермахт на всех фронтах с 1 сентября 1939 г. до 1 мая 1945 г. потерял безвозвратно всего 119 тыс. офицеров — 3 % от общего числа потерь.

Любому непредубеждённому исследователю должно быть ясно, что прежде всего следует выяснить, какова была доля офицеров среди военнослужащих. Средняя численность офицеров в Красной Армии и Красном Флоте составляла 14,32 %. По сравнению с армиями других государств наша армия была самой насыщенной начсоставом. В 1939 г. на одного офицера РККА приходилось 6 рядовых, в английской армии — 15, в японской — 19, во французской — 22, а в вермахте — 29. Кроме того, уровень потерь офицерского состава серьёзно зависит от сложившейся обстановки. Так, в ходе боевых действий на Западном фронте в мае—июне 1940 г. 30 % всех потерь французской армии убитыми и ранеными составляли офицеры, которые своим личным примером стремились в те дни воодушевить рядовых.

Ещё хуже обстоит дело у Соколова с обоснованием цифр по балансу использования людских ресурсов в Вооружённых силах СССР. Для подтверждения цифры погибших советских воинов в 26,4 млн человек ему пришлось увеличить общую официальную цифру призыва в годы войны (34,6 млн) на 12 млн: в результате общий призыв, по Соколову, составил 46,5 млн человек. В это число вошли: полученное им число убитых и умерших от ран, болезней, несчастных случаев и в плену (26,4 млн) и пленных (2,3 млн), а также заимствованные из книги «Гриф секретности снят...» цифры количества инвалидов (2,6 млн) и переданных для работы в народное хозяйство, в военные формирования других

ведомств (3,6 млн) и оставшихся на конец войны в Вооружённых силах военнослужащих (примерно 11,8 млн). Но в этой сумме остались неучтёнными ещё направленные на укомплектование войск и органов НКВД (более 1,1 млн), переданные в польские, чехословацкие и румынские соединения и части, воевавшие на стороне СССР (0,25 млн), уволенные по ранению и болезни, но не ставшие инвалидами (1,2 млн), осуждённые (около 0,45 млн) и дезертиры (0,2 млн). Если численность всех этих групп военнослужащих сложить с полученной Соколовым цифрой, то общий призыв окажется равным 49,7 млн человек. Но согласно переписи 1939 г., всех мужчин призывного возраста в СССР было на 1,2 млн меньше. Ни Прибалтика с её незначительным населением, ни Западная Украина с Белоруссией, ни Бессарабия, где просто не успели провести никаких мобилизационных мероприятий дополнительно, эти 1,2 млн человек не добирали. Нужно учесть ещё, что в возрастной группе 40—49 лет по меньшей мере половину (3,5 млн человек) составляли мужчины, которым во время войны перевалило за 50, но призваны в армию были только около 0,5 млн. Кроме того, из мужчин призывного возраста примерно 7—10 % (3—4 млн человек) не подлежали призыву (по инвалидности, болезням и другим причинам). Наконец, существенную часть мужчин призывного возраста затребовало народное хозяйство. Вряд ли их было меньше, чем в Германии. А там, как утверждал Мюллер-Гиллебрандт, использовалось более 4 млн мужчин призывного возраста. Вероятно, и в народном хозяйстве СССР было занято не меньше 5—6 млн молодых мужчин дополнительно к тем 3,6 млн, что были переданы в народное хозяйство после призыва в армию. Таким образом, страна могла выделить для войны максимум 35—36 млн человек, но никак не 50 млн.

Следовательно, цифры Соколова не соответствуют действительности: реальные потери Красной Армии он завысил по меньшей мере на 14—15 млн человек.

Не складывается у него и баланс людских ресурсов вермахта. Если поверить его (точнее, немецким) утверждениям, что число погибших немецких солдат на советско-германском фронте было равно 2,6 млн человек, то, прибавив к ним достаточно точно установленное по документам количество павших на других фронтах (1,4 млн), переданных в промышленность (2 млн), уволенных по ранению, болезни, осуждённых, дезертиров и т. д. (2,5 млн), плённых до 9 мая 1945 г. (около 3 млн), а также оставшихся в вермахте на момент капитуляции (4,8 млн), получим цифру участвовавших во Второй мировой войне немцев в 16,1 млн человек. А сколько их в действительности было поставлено под ружьё? Б. В. Соколов называет цифру 17,9 млн человек. Однако в действительности, с учётом численности армии мирного времени, через вермахт в течение войны прошло примерно 21,1 млн человек.

Куда делись эти недостающие 5 млн человек? Думаю, что большая часть из них погибла в боях с Красной Армией. Это значит, что реальные демографические потери вермахта павшими на советско-германском фронте были не менее 7 млн военнослужащих.

Ещё об одном общепризнанном методе косвенной проверки расчётов потерь — на основе демографической статистики (по

демографическим показателям) — Б. В. Соколов даже не упомянул. А между тем такие подсчёты проводились неоднократно. В. А. Литвиненко приводит в качестве примера работы эмигранта и известного исследователя демографических процессов в СССР С. Максудова из Гарвардского университета в США. Впервые результаты своих исследований Максудов опубликовал в 1977 г., а в России расчёты, опирающиеся на переписи населения СССР 1939 и 1959 гг., а также на исследования зарубежных демографов, он изложил в статье «О фронтовых потерях Советской Армии в годы Второй мировой войны», помещённой в журнале «Свободная мысль» (№ 10, 1993). Расчёты потерь Советской Армии С. Максудов сделал, исходя из предположения о максимальном использовании всех людских ресурсов, бывших в распоряжении советского правительства. В результате он оценил потери нашей армии в войне 1941—1945 гг. в 7,8 млн человек, что на 0,87 млн меньше цифры, приведённой в книге «Гриф секретности снят...». Такое расхождение С. Максудов объясняет тем, что её авторы учли и военнопленных, умерших естественной смертью (при минимальном уровне естественной смертности это составляет 250—300 тыс. человек), а также завысили число погибших советских военнопленных. Из их общего числа (1783 тыс.), по мнению Максудова, необходимо вычесть умерших естественной смертью (100 тыс.), оставшихся после войны на Западе (200 тыс.) и вернувшихся из Германии, минуя официальные каналы репатриации (примерно 280 тыс. человек). Г. Ф. Кривошеев в основном согласился с оценками С. Максудова, но поскольку нет их документального подтверждения, то и в новых изданиях книги «Гриф секретности снят...» по-прежнему значится число погибших советских воинов в 8 668 400 человек.

Есть и ещё один весьма интересный способ вывода соотношения потерь победителя и побеждённого в войне. Это применение метода сравнительно-сопоставительного анализа, основы которого заложил ещё в XIX в. Г. Жомини. Данный метод требует статистических данных о войнах различных эпох. Более или менее полная статистика имеется лишь начиная с Наполеоновских войн. При её анализе выявляется очевидная зависимость итогов войны от величин относительных потерь (потерь, выраженных в процентах от общей численности армии). Относительные потери у победителя в войне всегда меньше, чем у побеждённого, причём эта зависимость имеет устойчивый, повторяющийся характер, т. е. обладает всеми признаками закона. Этот закон может быть сформулирован следующим образом: **в любой войне победа достаётся той армии, у которой относительные потери меньше.** При этом абсолютные цифры безвозвратных потерь у победившей стороны могут быть как меньше (Отечественная война 1812 г., русско-турецкие, Франко-прусская войны), так и больше, чем у побеждённой стороны (Крымская, Первая мировая война, Советско-финляндская), но относительные потери у победителя всегда меньше, чем у побеждённого.

Разница между относительными потерями победителя и побеждённого характеризует степень убедительности победы. Иначе говоря, чем больше потери, тем больше должна быть числен-

ность армии, чтобы одержать убедительную победу. Если потери армии в 2 раза больше, чем у противника, то для победы в войне её численность должна быть как минимум в 2,6 раза больше численности противостоящей армии.

Посмотрим, какими людскими ресурсами располагали СССР и Германия на протяжении войны. Имеющиеся данные о численности противоборствующих сторон на советско-германском фронте приведены в следующей таблице.

Соотношение численности войск противоборствующих сторон на советско-германском фронте

Характеристика вооружённых сил		СССР	Германия
Регулярная армия	Мобилизованные (с учётом довоенной численности армий), млн чел.	34,5	21,1—22,2
	Переданные в промышленность и другие ведомства, млн чел.	5	2
	Воевавшие на других фронтах, млн чел.	6,5—7	6,0—6,5
	Воевавшие на советско-германском фронте, млн чел.	22,5—23	12,6—14,2
	Добровольные формирования (народное ополчение в СССР, фольксштурм в Германии), млн чел.	2,0	1,5—2,0
	Партизаны, млн чел.	1,0	—
	Войсковые формирования из иностранцев, млн чел.	0,5	1
	Регулярные войска союзников, млн чел.	—	3
Общая численность участников войны, млн чел.		26,0—26,5	18,1—19,8
Соотношение общей численности сторон		1,4—1,5	1
Соотношение численности регулярных армий		1,6—1,8	1

Из данных таблицы следует, что численность советских участников войны была только в 1,4—1,5 раза больше общей численности противостоящих войск и в 1,6—1,8 раза больше регулярной немецкой армии. В соответствии с законом относительных потерь при таком превышении численности участников войны потери Красной Армии, уничтожившей фашистскую военную машину, в принципе не могли превышать потери армий фашистского блока более чем на 10—15 %, а потери регулярных немецких войск более чем на 25—30 %. Это значит, что верхней границей соотношения безвозвратных боевых потерь Красной Армии и вермахта является соотношение 1,3:1.

В целом же складывается впечатление, будто критики всерьёз считают, что в Великой Отечественной войне Советский Союз воевал... в лучшем случае с Веймарской республикой, с её высококлассной, но относительно небольшой армией, которую можно победить, завалив трупами. В действительности в течение трёх лет Советский Союз (численность мужчин призывного возраста 48,5 млн человек) в одиночку воевал с поставившей на колени всю Европу мощной Германской империей (численность мужчин призывного возраста более 23 млн человек), имевшей всего вдвое меньшие мобилизационные ресурсы. В этом противоборстве он, по мысли некоторых рьяных счетоводов, должен был потерять 26 млн только военнослужащих. Соответственно, не меньше людей должно было быть ранено. А ещё имелись заключённые в ГУЛАГе, рабочие в промышленности и на транспорте...

Интересно, как вообще могло при таких потерях сохраниться какое бы то ни было население в Советском Союзе?! Теоретически при соотношении потерь 10:1 Гитлеру, даже без союзников (Италии, Румынии, Венгрии, Финляндии и др.), достаточно было пожертвовать 5 млн немецких солдат, чтобы полностью уничтожить всех способных носить оружие мужчин Советского Союза. И после этого в Германии должно было бы остаться ещё 18 млн мужчин в самом расцвете сил и репродуктивного возраста. Но на самом деле всё было наоборот: Красная Армия не только не была уничтожена, но и вышла из войны с Германией настолько мощной, что в течение месяца разнесла в пух и прах ещё и Квантунскую армию Японии, потеряв при этом чуть более 12 тыс. солдат против 100 тыс. у противника. Гитлер же в конце войны вынужден был из-за нехватки мужчин призывного возраста бросать в бой 12—13-летних мальчишек и 65-летних стариков. Здравый смысл подсказывает, что такое вопиющее несоответствие теории и практики означает абсурдность теории, невероятность соотношения потерь 10:1.

И в завершение ещё одно удачное соображение В. А. Литвиненко. Дело в том, что распространяемые «ниспровергателями» цифры и соотношения потерь порочат как советских, так и немецких участников войны. Причём если соотношение потерь 10:1 обвиняет Красную Армию лишь в неумении воевать, то вермахт это соотношение характеризует как самую трусливую в истории человечества армию! Имея, по «научным» подсчётам, колоссальный боевой потенциал, позволяющий шестикратно уничтожить Красную Армию, вермахт, тем не менее, капитулировал перед ней! Думается, более убедительного опровержения своим собственным измышлениям любители ревизовать историю придумать не могли.

5c4f7e73-8d95-11e3-8221-0050569c0f55

Учебное издание

Серия «Учимся с «Просвещением».
«Просвещение» — учителю»

Горинов Михаил Михайлович
Моруков Михаил Юрьевич

Великая Отечественная война 1941—1945 годов
Дискуссионные вопросы

Пособие для учителей общеобразовательных организаций

Центр гуманитарного образования
Редакция истории, обществознания и права
Зав. редакцией *О. С. Хлебников*
Редактор *В. В. Артёмов*

Художественный редактор *Е. В. Степанова*
Техническое редактирование и компьютерная вёрстка *Т. А. Зеленской*
Корректор *М. Г. Волкова*

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД №05824 от 12.09.01. Подписано в печать 19.08.14. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура SchoolBookCSanPin. Печать офсетная. Уч.-изд.л. 4,26. Тираж 60 экз. Заказ №54572.

Акционерное общество «Издательство «Просвещение».
127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в типографии «Onebook» ООО «Сам Полиграфист».
129090, Москва, Протопоповский пер., 6.
Тел.: (495) 545-37-10. E-mail: indo@onebook.ru
Сайт: www.onebook.ru